

ГРИГОРИЙ АРКАТОВ

ПЕРПЕНДИКУЛЯРНОСТЬ

18+

Григорий Аркатов

Перпендикулярность

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54030211

Перпендикулярность / Аркатов Г. А.: Эдитус; Москва; 2020

ISBN 978-5-00149-342-6

Аннотация

Довольно скорби и слёз! Я слишком долго вас жалел. Я слишком долго пытался вас спасти. Я слишком долго пытался вам помочь. Это было моим безумием, моей шизофренией. Но теперь это в прошлом. Моя миссия выполнена. Я создал свой «Апокалипсис» для тех, кому он нужен. И хоть вряд ли я встречу кого-либо из тех, для кого его написал, это уже не имеет никакого значения. Главное, что они существуют, и что, прочитав эту книгу, они напишут мне ответ, в котором будут кричать, что мой «Апокалипсис» не в меру кошерный, а сам я неженка. И после этого я буду весело смеяться три дня и три ночи, услышав про себя такое. И возможно скажу: «Он уже близок этот самый настоящий день!»

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Опус первый: критический анализ	5
Пролог: Я пишу тебе Ницше, или Критика шизофрении	5
Часть первая: Апология безумия	8
Книга I: Критика пустоты	8
Книга II: Критика эволюции	12
Книга III: Критика шовинизма	16
Книга IV: Критика братства	20
Книга V: Критика историзма	23
Книга VI: Критика покаяния	27
Книга VII: Критика геноцида	31
Книга VIII: Критика возрождения	36
Книга IX: Критика обстоятельств	40
Книга X: Критика национализма	44
Книга XI: Критика идиотизма	48
Книга XII: Критика пути	52
Книга XIII: Критика конца	56
Критическая вариация на тему эпилога	60
Повторное вступление к Роману	61
Часть вторая: Левиафан	62
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Григорий Аркатов

Перпендикулярность

Так уж получилось, что грёзы юности оказались всем самым чистым и светлым из того, что было, есть и будет. А значит, вполне закономерно, что я сделал полный круг и вернулся в исходную точку своего бытия. Правда, теперь при мне приличный багаж всевозможного индуктивного опыта. Плюс к этому я, кажется, всё-таки понял, что есть ваше пресловутое «вечное возвращение»...

Опус первый: критический анализ

Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об Истине; всякий, кто от Истины, слушает гласа моего.

Пилат сказал ему: Что есть Истина? Евангелие от Иоанна

Пролог: Я пишу тебе Ницше, или Критика шизофрении

После тяжелого рабочего дня я вернулся домой. Чугунная дверь захлопнулась за мной с гулким щелчком. Скинув ботинки, я вошел в комнату и рухнул на кровать. Рука на-

щупала телевизионный пульт. В ответ на нажатие кнопки на экране появился какой-то безумный ведущий, во всю глотку орущий, что время игры никак не может подойти к концу.

– Да пошел ты! – закричал я, и ведущий исчез в темноте экрана.

Откинувшись на подушку, я несколько минут лежал с закрытыми глазами.

– Всё напрасно. Мне не суждено что-либо изменить. Всё будет так, как оно быть должно...

Из моего горла вырвалось безумное злорадство, оповестившее конец игры.

– Довольно скорби и слёз! – закричал я сам себе, – Ты слишком долго их жалел. Ты слишком долго пытался их спасти. Ты слишком долго пытался им помочь. Это было твоим безумием, твоей шизофренией. Но теперь это в прошлом. Твоя миссия выполнена. Ты создал свой «Апокалипсис» для тех, кому он нужен. Ты вряд ли встретишь кого-то из тех, для кого его писал, но это уже не имеет никакого значения. Главное, что они есть, и что, прочитав его, они напишут тебе ответ, в котором будут кричать, что твой «Апокалипсис» слабоват, а сам ты неженка. И ты будешь ржать, как лошадь Пржевальского, три дня и три ночи, услышав такое. И возможно скажешь: «Вот он уже близок этот настоящий день!» И это, наверное, станет твоим последним безумием... А пока жди... Они тоже ждут... Ведь такова его судьба, чтобы его ждали.

– Нет! – воскликнул я и подскочил с кровати, – Я не хочу ждать. Ты снова мне лжешь. Да! Лжешь, усыпляя меня своими сказками, в надежде, что я тоже усну, как и все эти слепоглухонемые. Ты, как и они, продался Психоматриксу. Так ступай же к нему. Нет! Лучше беги, а я останусь здесь, и буду делать то, что мне суждено. Пускай я неудачник, пускай мне не повезло в том, что я родился человеком. Мне плевать на это, ведь отныне я знаю истину. Истина в том, что истины не существует. Она миф, иллюзия. Всё это время нам довольно неплохо лгали. Но теперь меня не обмануть. Мы живем для того, чтобы жить, и будем жить независимо от нас самих. Я вижу свет в конце тоннеля и иду туда, чтобы очистить путь для новых людей.

Я подошел к столу. На нем лежала Библия.

– Нет! Довольно сказок. Нам не нужны старые древние люди. Нам нужны новые люди, новейшие люди, сверхчеловеки... так завещал дедушка Ницше.

Часть первая: Апология безумия

*Здесь сижу я и жду; все старые, разбитые
скрижали вокруг меня, а также новые, наполовину
исписанные. Когда же наступит мой час?*

Фридрих Ницше

Книга I: Критика пустоты

*В начале сотворил Бог небо и землю. Земля была
безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий
носился над водою...*

Максимальная концентрация внимания в одной точке, ювелирная точность движений и абсолютная сдержанность в эмоциях – так можно охарактеризовать стоматолога-профессионала. Однако никто на земле не рождается в формате профи. Это всего лишь стандарт, к которому все должны стремиться. Почему? Нас всех так учили, нам говорили, что это наилучший путь к достижению цели. А разве кто-то искал новые тропы?

Шум турбины заглушал всё, что только можно было заглушить. Хотя я сомневаюсь в том, что на данный момент во мне присутствовала способность что-либо услышать. Всё мое внимание было приковано к пациентке. На улице стоял

июль, который готов был испепелить всё и вся своими безжалостными лучами, в связи с чем сегодня я надел свой зелёный укороченный халат на голое тело. Но когда в моем кресле оказалась эта девушка, меры предосторожности подобного рода не смогли уберечь меня от теплового удара. Сначала меня стало бросать в жар от ее морфологических параметров. Затем, после того, как она разрешила мне заглянуть ей в рот, меня стало бросать в жар от ее зубов. Дальнейшая клиническая картина протекала с переменным преобладанием того или иного звена патогенеза. И, если сказать честно, я уже с трудом понимал, что должен совершить, но всем своим телом и душой чувствовал неистовое желание.

Неизвестно чем бы закончился лечебный процесс подобного рода, если бы девушка не решилась воспользоваться своим даром речи:

– Ваш телефон...

– Что? – спросил я с предельным недоумением, но быстро спохватился, и рука нырнула в карман халата.

Дисплей интригующе светился надписью: «Новое сообщение... Паша Морфиус».

...И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один...

Далее следовало: «Ты нам нужен». Эта фраза всегда являлась для меня красной тряпкой, поэтому не стоит удивлять-

ся тому, что я забыл про пациентку и стал звонить Паше. Работа есть работа, а друзья есть друзья.

– Привет, Фокс, – послышалось с другого края мобильной связи.

– Что-нибудь случилось? – спросил я.

– А ты ничего не забыл?

– Ты имеешь в виду день рождения Миши? Я собирался поздравить его вечером.

– Боюсь, у тебя ничего не выйдет.

– Почему? Что ты этим хочешь сказать?

– Миша собирает всех в Васильевском мху. Мы заедем за тобой через полчаса.

– Хорошо, – сказал я, но, повернувшись, увидел в кресле чудо природы, – Только у меня тут пациентка... Тяжелый случай...

– Так кончай с ней живее.

Телефон неистово звонил и вибрировал в моем кармане, когда я выскочил из клиники на улицу. На выходе меня уже ждали. Три машины перекрыли все подъездные пути, а лица ответственные за эти транспортные средства стояли тут же и ожидали появления последнего недостающего звена ту-совки.

Я был рад видеть каждого из них и даже больше. Спустя четыре года после выпуска мы снова встретились. «Истинные арийцы» никогда не умрут!

...И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да

отделяет она воду от воды. И стало так. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердь, от воды, которая над твердь. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И увидел Бог, что хорошо. И был вечер, и было утро: день второй...

– Здорово, Фокс!

– Здравствуй, Михаэль! – сказал я, сжав мужественную руку друга, – Даже в свое 25-летие ты не можешь оставить в покое мой телефон.

– А я разве виноват, что ты, как Козлевич, еле рожаешь?

– Остынь, – засмеялся я, – С днем рождения!

Миша изобразил на своем лице карикатурное высокомерие, после чего улыбнулся и, хлопнув меня по плечу, сказал:

– Садись к Паше. Мы уезжаем прямо сейчас.

Старая добрая «Нива» Паши Морфиуса по прошествии лет так и не смогла ликвидировать свой главный недостаток – малую вместительность. Помимо хозяина автомобиля в машине сидело двое: Инга и Захар. Увидев меня, Захар восторженно стал ждать от меня новостей, но, к сожалению, мне пришлось его огорчить.

– Извини, Захар, но пока я не смог ничего для тебя сделать. В СЭС решили конкретно раскрутить твое дело. Я советую тебе подыскать хорошего адвоката, иначе они отправят тебя за решетку...

– Ребята, – вмешалась Инга, – Займетесь делами завтра. Сегодня у нас праздник.

– Всё народ. Трогаемся, – сказал Паша, и, словно угадав начало движения, сорвал «Ниву» с места и помчался вслед за двумя другими «лимузинами».

Книга II: Критика эволюции

...И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодовитое, приносящее плод, в котором семя по роду его на земле. И увидел Бог, что хорошо. И был вечер, и было утро: день третий...

Я сидел на заднем сиденье рядом с Ингой и наблюдал за происходящим вокруг, вспоминая старые добрые времена. Мы опять, как когда-то тогда, мчались вперед, маневрируя и подрезая другие машины, кричали, смеялись, радовались и злобно негодовали, когда кто-то другой умудрялся протиснуться сквозь ряды или своевременно воспользоваться трамвайными путями, чтобы обуть своих друзей. Мы вновь стали пилотами своей «Формулы».

В тот далекий прекрасный майский день пятого курса, мы

решили устроить очередное авторалли. Артему и Юле оставалась неделя до свадьбы, и они ни на секунду не хотели выпускать друг друга из виду. Трудно сказать, что произошло после того, как «семерка» Артема вырвалась далеко вперед. По-видимому, он отвлекся на что-то и не заметил, как навстречу вырулил «КАМАЗ». Когда мы подоспели, им уже нельзя было помочь. Машину сплющило не по-детски, и реанимация могла понадобиться только нам.

Нам всем было тяжело перенести эту потерю, но каждый из нас знал, что нужно смириться, ведь это был не первый и не последний удар в игре с названием «жизнь».

...И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для освещения земли и для определения дня и ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый...

Это было четыре года назад, и сейчас никто не желал помнить прошлого. Каждый желал другим всего хорошего, но не того, чтобы оказаться впереди.

– Чёрт возьми! – закричал Паша и нажал на педаль тормозов, – Только красного света нам и не хватало.

– Теперь нам их ни за что не догнать, – сказала Инга, когда мы снова оказались в движении.

– Не плачь, детка, нам всё равно нужно заправляться, – ответил Паша и свернул на автозаправку.

Когда машина остановилась, я всё же решил узнать ответ на вопрос, который внезапно вырос перед моим разумом.

– А ты знаешь, куда нужно ехать?

– Не бойся. Они нас подождут.

Однако, когда мы выехали с автозаправки, на трассе никого не оказалось.

– Ну и где они? – спросил я.

Паша задумался, потер лобную кость и полез в карман за телефоном.

– Сейчас разберемся... Миш, вы где?

Из трубы послышался не врубающийся голос именинника:

– А вы где?

...И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И стало так. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день

пятый...

– Мы заправлялись и теперь готовы следовать дальше.

– Хорошо, мы остановились и ждем вас.

– Вы сворачивали куда-нибудь?

– Что?

– Я спрашиваю, вы после автозаправки ехали прямо или сворачивали?

– Нет, езжайте всё время прямо.

Паша сунул телефон обратно в карман и еле слышно про-
бормотал:

– Скоро будем на месте.

– Ну и хорошо, – подумал я и, усевшись поудобнее, решил авансом получить заряд бодрости за счет дневного сна.

Веки быстро наполнились свинцом, и меня унесло в мир грез, в котором я до сих пор еще не был...

...я в каком-то восточном городе «древнегреческого» периода. Надо мной огнедышащее солнце Палестины, впереди дорога, а вокруг ни души.

– И где это мы? – подумал я, ощущая полное недоумение в своей голове.

Немного постояв у обочины, я пришел к выводу, что ни рейсового автобуса, ни попутки не будет как минимум пару тысяч лет.

– Прекрасный сон. Что у нас есть?... Дорога... Тогда идем по ней...

Спустя полчаса, когда пешая прогулка меня порядком до-

стала, я стал осматриваться по сторонам.

Книга III: Критика шовинизма

...И сказал Бог: да воспроизведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду их. И увидел Бог, что хорошо...

Совершенно случайно я обратил внимание на небольшой уютный домик. Его окружали чудесные деревья, обильно усыпанные спелыми плодами, а в глубине сада, на крыльце, сидел хозяин дома. Никогда в своей жизни я не видел более умиротворенного человека. Кроны деревьев защищали его от зноя, и казалось, что эта примитивная прохлада, обдающая его тело, доставляла ему наивысшее, подлинно райское, наслаждение.

Он сидел, уткнувшись локтями в колени и запустив левую руку в длинные волнистые волосы. В его ногах игралась кошка необычной пестрой окраски. Она забавляла его своим ласковым оскалом и тем, что игриво пыталась оцетинившейся лапой оцарапать его пальцы. Этот человек смеялся и радовался как ребенок.

Я смотрел на него, и мне самому становилось необычайно легко на душе. Однако нарушать интимность момента мне не хотелось, и я двинулся дальше. Пройдя полторы сотни метров, я внезапно понял, что так может продолжаться до бес-

конечности, и решил вернуться к дому с садиком, дабы расспросить хозяина дома о положении дел.

Когда же я обернулся, то увидел, что на том месте, где совсем недавно располагался мой силуэт, теперь красовалось облако пыли. Навстречу мне спешила группа лиц, вооруженных острыми мечами. По наличию сегментированной лорикки, которую я когда-то видел в учебнике по истории Древнего Мира, мне удалось признать в этих людях легионеров. А еще впереди них шли трое других персонажей, которым приходилось нести на своих спинах нечто похожее на крест.

...И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над зверями и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому гаду, пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

И увидел Бог всё, что он создал, и вот, хорошо весьма.
И был вечер, и было утро: день шестой...

Античных конвоиров мало интересовала исполняемая ими миссия, в связи с чем они плелись далеко позади арестантов и даже не задумывались о том, чтобы ускорить шаг. Соответственно и осужденные совсем не стремились проявлять спешку, которая впрочем в их сегодняшнем положении была просто неуместна.

Прошло минут пять прежде, чем первый из этого каравана смерти позволил себе достичь того места, где стоял я, погруженный в неадекватное состояние ожесточенного интереса. Он прошел мимо меня с полным отсутствием каких-либо чувств, даже не взглянув в мою сторону.

...Так совершены небо и земля и всё воинство их. И совершил Бог дела к седьмому дню дела Свои, которые он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал...

Вот уже и второй участник конференции покойников проследовал без остановок к своему эшафоту. Оба шли медленной и неровной походкой. Им было всё равно, куда и зачем идти. Я пытался всмотреться в их лица, но это были не лица, а всего лишь каменные маски, которые не содержали ничего живого. И мне казалось, что всё то, чего желали эти существа находилось там впереди, на Лысой горе. Они шли туда, медленно

растворяясь в солнечном свете, не оборачиваясь, не сворачивая, не пытаясь убежать от своей участи, будто бы само их рождение было многолетней подготовкой к тому, что должно произойти несколькими часами позже.

– Остался последний, – подумал я и обернулся с надеждой увидеть еще один безжизненный взор, но вместо этого увидел седовласого старика, который остановился возле дома с садиком и тихонько освободил свою спину от креста.

Его одряхлевшие руки едва держали это деревянное сооружение в вертикальном положении, и он потому он решил помочь себе, прислонив его к ограде.

Старику на вид было лет шестьдесят. Его длинные седые волосы доходили до плеч. Он провел рукой по волосам, и они растрепались. Дунул ветерок, и волосы превратились в сумбурную беспорядочную сеть. Его взгляд порхнул в направлении солнца и, столкнувшись с солнечной чистотой, превратился в мелодичную улыбку.

Я смотрел на старика и не видел в нем той безысходности и обреченности, которая насквозь пропитала двух других арестантов. Между нами было полторы сотни метров, но счастливого человека можно разглядеть и с такого расстояния.

Книга IV: Критика братства

Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, но пар поднимался с земли и орошал все лице земли. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живой. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фион: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Геон: она обтекает всю землю Куш...

Это были всего лишь мгновения, но казалось, что они длятся бесконечно долго. Старик обернулся и, заметив приближающийся конвой, решил, что нужно продолжать путешествие. Тяжело вздохнув, он водрузил крест на свою изнеможенную спину, после чего поднял голову вверх, намереваясь идти дальше.

– Эй, мужик! – совсем не вовремя окликнул его хозяин дома с садиком, – Мне что-то не понятно, какие это у тебя здесь могут быть дела. Несешь свой крест, вот и неси дальше, а то встал и прохлаждаешься. У меня здесь не оазис для недоумков... Давай-давай, пошевеливайся... Мне только центурионов еще не хватало...

...Имя третьей реки Тигр: она протекает пред Ассирию. Четвертая река Евфрат. И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедовал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь...

Старик сурово посмотрел в глаза горластого крикуна. Со стороны казалось, что он совершенно глух и просто не способен внимать ожесточенным просьбам разъяренного садовника. Однако по то и дело появляющейся на его губах улыбке можно было понять, что старик его слышит.

Когда хозяин дома, наконец, замолчал, тишину разорвал звонкий, почти юношеский, смех старика. Хозяин дома опешил от такой реакции осужденного на смерть и застыл, не зная, что сказать.

– Ты удивлен? – проговорил старик, – Ах, Агасфер, мальчик мой. Не думай, что я смеюсь над тобой, я смеюсь над собой, потому что наконец-то мне удалось притронуться к

Истине. Я всю жизнь пытался ее отыскать, искал, но все мои порывы были тщетны. И вот я вижу тебя, Агасфер. Ты ничего в своей жизни не искал, всё к чему ты стремился, всегда находилось на расстоянии вытянутой руки. О том, что находиться за пределами твоих рук, ты не просто не догадывался, ты даже не пытался догадаться, ведь это тебе совершенно не нужно. Зачем пустыне лишние дюны? Вот и ты подобен ей...

– Ты бредишь, старик!.. И откуда тебе известно мое имя?

...И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему...

– Оно у тебя на лбу написано, Агасфер. Но речь не об этом... Я рад, что перед смертью встретил тебя. Твои тернистые речи донесли до меня плоды многолетних поисков.

– Тогда скажи же мне, в чем Истина?

Осужденный безмолвно опустил голову, словно загруженный громоздкой комбинацией печальных размышлений, но вскоре внезапно взметнул свой испепеляющий взгляд к собеседнику и заклеил свое лицо широченной улыбкой.

– Истина всегда была с тобой, и всегда будет находиться рядом с тобой, но ты никогда ее не увидишь. Ты будешь вечно искать, но твой поиск будет несусветным бредом, иллюзией, от которой ты никогда и никуда не сможешь скрыться. Ты сам себя проклял. Так живи же вечно!

– Но почему? – воскликнул Агасфер.

– Правды не найти без огня, – бросил старик на проща-

нье и поплелся дальше, удерживая на своей спине всё тот же крест.

Когда он дошел до меня, я молвил, обращаясь к нему:

– Послушай, ты устал и слишком стар, чтобы нести этот крест. Отдай его мне, и я донесу его туда, куда скажешь.

Старик взглянул на меня, и я вновь услышал его звонкий, почти ребячий, хохот.

– Глупец! Ты еще безумнее, чем этот Вечный жид. До тебя тут суетился некий добрый самаритянин, но, право, мне неизвестно из-за чего он зовется добрым. Две тысячи лет он отбирал у меня крест и тащил к месту казни. Неужели ему и вправду казалось, что я должен быть благодарен ему за это? И вот он нашел себе замену. Видимо устал бедняга. Но по твоим глазам я вижу, что ты не такой. Тебе здесь не место!

Книга V: Критика историзма

...Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей...

Я проснулся оттого, что машина остановилась. Освободившись от плена век, мои глаза увидели, как Паша покидает водительское место. Несколько минут он прыгал возле своего авто, заглядывая под днище, после чего совершил возвращение.

– В чем дело, Паш? – спросил я, одновременно выбивая из себя последние капли сна.

Он посмотрел на меня через зеркало и горестно промычал:

– У нас пробило глушитель.

– Мы что не можем ехать дальше?

– Нет, почему же... Можем.

– Слушай, Паш, – вмешался Захар, – Миша говорил, что до места ехать минут семь, однако мы едим уже больше часа. Тебе не кажется это странным?

– Кажется. Позвони Мише, а то у меня батарейка почти села.

– Рад бы, но мой сервис ограничен.

Мы с Ингой, не дожидаясь просьб, схватились за телефоны, но на экранах светился жестокий ответ «Сервис ограничен».

– Надеюсь, моего сервиса хватит на парочку минут, – прошептал Паша и нажал на «дозвон».

– Алло, Паш, – послышался голос Миши, – Где вы? Мы уже битый час ждем вас на дороге.

– Слушай. Мы ехали прямо, как ты сказал, но заехали неизвестно куда. Вы точно никуда не сворачивали после автозаправки?

– После какой заправки?

– Что значит какой? Той, что идет сразу после города.

В эфире зависла пауза.

– Почему ты молчишь?

... И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника подобного ему...

– Я думал, что ты отстал от нас позднее. Мы свернули после той автозаправки, о которой ты говоришь, влево. При этом мы продолжали видеть тебя в зеркалах заднего вида. После этого была еще одна АЗС, и тут мы тебя потеряли...

– Алло, Миш!.. Миш..., – но крики были бесполезны; признаки жизни напрочь покинули телефон.

Паша, недолго думая, спрятал мобильник, дабы не позориться, и устоял в лобовое стекло.

– Что-то не так? – спросил я.

– Мы заехали не туда.

– По-моему это трудно назвать новостью, – подметила Инга, кинув пучок иронических слов на раскаленную сковороду обстоятельств.

– Нужно возвращаться, – добавил я.

– Несомненно, – сказал Паша и с горькой досадой крикнул кому-то в пустоту, – Дибиллизм! – после чего оживил свою «Ниву», крутанул руль, и мы снова помчались, только уже в обратном направлении.

Прошло чуть больше часа времени прежде, чем мы смогли подъехать к месту автозаправки. Действительно к месту, потому что самой АЗС не было на положенном месте.

– Может, мы опять не туда заехали? – подумал вслух наш

водитель.

– Да нет же. Вон, смотри, впереди город. Мы ехали здесь три часа назад, – сказал я и указал на высокие дома, красовавшиеся сразу за мостом.

– Это точно. Другого не дано, но тогда где же автозаправка? Она же не могла испариться за это время?

Я смотрел на место, где ранее располагалась АЗС, и видел лишь стебли колышущей травы да стихийно разбросанные валуны.

– Такое чувство, что здесь даже намек на АЗС никогда не бывало.

...И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа своего. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть. И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились...

Паша абсолютно потерял чувство понимания ситуации, в связи с чем лишь тупо рассматривал пустоту.

– А что, если позвонить Мише? Он-то стопудово знает, в чем дело, – сообразил я и ринулся к своему телефону, однако меня вновь постигло разочарование.

Теперь его не хватало даже на надпись «Сервис ограни-

чен». У Захара и Инги творилась та же самая канитель.

– Что за бред? – завопил Захар, – Мы же почти в городе.

Далее было молчание. Оно могло длиться сколько угодно, но Паша неистово пытался найти выход из сложившегося тупика.

– Слушайте, раз они ждут нас на дороге, то давайте поедим к ним.

Отъехав от вероятного места расположения автозаправки, мы сразу же свернули налево. Через семь минут мы уперлись в знак «Васильевский мох», но встретить на дороге друзей нам так и не удалось.

– Поехали дальше, – сказал я, – Кто-то в этом поселке должен знать родственников Миши. Кажется их фамилия Кочергины.

Увидев вывеску «Магазин», я попросил Пашу остановиться:

– Пойду куплю лимонада, а то в горле пересохло.

Войдя в магазин, я лицезрел за прилавком типичный продукт коммунистической эпохи. Казалось, банальность застыла в ее лице навечно.

Книга VI: Критика покаяния

...Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И

сказала жена змею: плоды с деревьев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания...

– Что вам? – спросила продавщица, впившись в меня острием своей тупости.

– Пять банок «Пепси».

– «Пепси» нет. Могу предложить «Кока-колу».

– Нет. Дайте тогда, пожалуйста..., – автоматически ответил я, но тут меня как током шарахнуло, – Почему вы торгуете «Кока-колой», когда с мая 2007 года этот торговый знак запрещен во всем мире?

Я не искал повода для скандала. Мне казалось, что каждый должен знать о крахе торговой марки «Кока-кола». Тем более, что невозможно забыть о десятках тысяч случаев отравления со смертельным исходом в канун Нового 2007 года. Однако реакция пожилой женщины на мое замечание лишила меня самообладания. Она выпучила свои глаза, словно жаба, которой только что ногой выдавили все кишки, и ее осипший голос на фоне мертвецки побагровевшего ли-

ца выпалил следующее:

...И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая. И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: Адам, где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. И сказал Бог: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она мне от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела...

– Молодой человек, вы что сдурели? О чем вы говорите?

На дворе 1999 год.

Теперь настала моя очередь удивляться услышанному:

– Как 99-ый? Вы шутите?

– Какие шутки? Вы откуда приехали?

– А кто сейчас президент?

– Кто и был. Борис Николаевич Ельцин.

Тихая дрожь пробежала сквозь меня и я, навечно забыв о жажде и всякого рода покупках, сломя голову, бросился на улицу. Лишь там, на улице, глотнув свежего воздуха, мое сознание очнулось и остановило подвластное ему тело.

– Успокойся. Всё в полном порядке. Сейчас 2009 год, а вовсе не 1999. Если у кого-то поехала крыша, это не значит, что она должна поехать у меня. Возьми себя в руки и ничего не говори друзьям. Запомни!.. Всё в полном порядке.

С полным контролем эмоций я неспешно подошел к машине. Паша открыл дверцу и вышел из «Нивы», дабы пропустить меня на заднее сиденье.

– А где же лимонад?.. Или что-то произошло?

– Ничего не произошло. Просто мне не понравилось обслуживание в этом дрянном магазине.

...И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверьями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей, и вражду положу между тобой и между женой, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята...

– А ты не спросил, где живут Кочергины?

Я понял, что в данной ситуации отмазка неуместна.

– Извини, Паш, но в этом селении предостаточно жителей, чтобы получить ответ на данный вопрос. Давай спросим у кого-нибудь другого.

– Хорошо, Фокс. Едим дальше.

Свернув за угол, мы наткнулись на стоящий посреди проезда трактор. Рядом с ним располагался его обладатель, щетинистый и косматый мужик в типичной спецодежде, насквозь пропитанной соляжкой, потом и мазутом. В руке он сжимал дымяще-копящее нечто, которое то и дело посасывал.

– Неплохой кандидат в языки, – сказал Паша и, выйдя из

машины, направился к этому динозавру эпохи коллективизации.

Не долго думая, я метнулся за ним.

Завидев наше приближение, мужик насторожился и, нацелив на нас свои серенькие глазки, послал в нашем направлении фонетический запрос:

– Вы что-то хотите, ребята?

– Да, – нежно заявил Паша, – Вы случайно не знаете, где живут Кочергины?

– Как же... знаю, – лукаво ответил мужик, – А зачем они вам нужны?

– Их двоюродный племянник пригласил нас на свой день рождения. Он должен был приехать раньше нас. У него машина «Ауди» черного цвета...

На лице мужика медленно вырисовывалась протрация, переходящая в негодование с тенденцией к нарастанию агрессивности.

Книга VII: Критика геноцида

...Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой...

– Да, у меня действительно есть двоюродный племянник Михаил, живущий в Краснодарском крае, только вот не ду-

маю, что парень, которому еще год до окончания школы станет разъезжать на «Ауди».

В моей душе разразился злобный смех, когда я увидел медленно отвисающую челюсть Паши Морфиуса. Казалось, его вот-вот хватит удар.

– О чем вы? Миша вместе с нами закончил стоматфакультет четыре года назад. Как он может учиться в школе?

Малиновая краска залила ранее пепельное лицо мужика. Он молча отшвырнул окурок и, подойдя к Паше вплотную, с диким шипением стал цедить раскаленные фразы:

– Я всё понимаю, ребята... Вы решили немного отдохнуть, расслабиться... Ширнулись чем-то не тем и вспомнили что-то не то... Я не хочу с вами ссориться, поэтому убирайтесь отсюда по добру, по здорову, иначе я за себя не ручаюсь!

Чувствовалось, Паша совершенно опешил и, не врубаясь в происходящее, открыл рот, чтобы хоть как-то прореагировать на подобные заявления, но я успел его одернуть, схватив за руку:

– Не нужно. Пойдем отсюда.

Паша обернулся ко мне, с загадочным выражением лица взглянул сначала на меня, потом на свою руку, захваченную мной в клещи, немного помолчал, опустив глаза, а затем, не проронив ни слова, пошел к машине. В полном безмолвии мы уселись в «Ниву».

Далее была тишина.

– Ребята, в чем дело? – в конце концов, прошептала Инга,

и в ее голосе чувствовался страх ответа.

– Нам тоже хотелось бы знать, – сказал я.

– Только не говори, что в магазине было то же самое, – отрешенно промычал Паша и повернул ключ в замке зажигания.

...Адаму же сказал: за то, что послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедовал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей, терни и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травой; в поте лица будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься. И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих...

– Паш, останови машину.

Наш водитель угрюмо промолчал и цинично прибавил газу.

– Ты слышишь, что я тебе говорю? – мне снова пришлось обхватить своей кистью его плечо в целях восстановления слуха, – Останови машину!

По-видимому, со второго раза до него стало доходить и он медленно свернул с шоссе. Всегда безумно безобидный Захар изумленно взирал на своих друзей и пытался сообразить, в рамках какого сюжета будут развиваться дальнейшие события.

– Народ, кто-нибудь объяснит мне, что всё-таки происхо-

дит, или я должен сам догадаться?

Я смотрел на Пашу, Паша смотрел на меня. Мы оба задавали друг другу немой вопрос, но ответ безнадежно затерялся в паутине действительности. И всё же каждый из нас понимал, что он лежит на поверхности, что нужно только признать его присутствие и всё разрешится само собой.

– Не знаю как, но мы попали в прошлое, – сказал я после длительной выдержки.

Инга и Захар ожидали чего-то неординарного, но не до такой степени.

– Доктор Малкин, у вас все дома? – заботливо осведомилась Инга.

...И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их...

– Ты можешь не верить мне, можешь считать, что у меня поехала крыша, но, пообщавшись с первым же встречным, поймешь, кто из нас прав.

Я видел в ее по-женски блестящих глазах типичную растерянность, которая врывается в сознание каждой девушки, когда всё начинает идти не так, как она задумала.

Положение спас Паша:

– Что случилось в магазине?

– Почти то же самое.

– Почему ты сразу не сказал?

– А ты как думаешь?

– Тебе известно, где мы сейчас находимся?

– Правильнее бы было сказать «когда». Продавщица говорила, что сейчас 1999 год. Мы поступали в 2000 году, значит в 1999 Мише оставался год до окончания школы. Всё сходится. Мы в 1999.

– Выходит, нас откинуло на 10 лет.

Я ничего не ответил. Вместо меня диалог продолжил Захар:

– И что мы теперь будем делать?

– Не знаю, как вы, а я еду домой. У меня ребенок дома, – сказал Паша.

Я был готов ко всему, но только не к такому заявлению.

– Паш, очнись. В этом мире у тебя нет ни дома, ни жены, ни ребенка, а сам ты, как и все мы, школьник, поэтому тебе некуда ехать.

– Тогда что ты предлагаешь?

– У нас целый багажник еды. Поедемте на природу, ведь Мишин день рождения никто не отменял.

Часы показывали десятый час, когда мы вчетвером сидели на опушке леса вокруг небольшого костерка и поедали только что приготовленный шашлык. В этот вечер мы снова смеялись, снова радовались, шутили и подкалывали друг друга.

И вдруг кто-то сказал:

– Фокс, расскажи что-нибудь... о жизни...

– Без проблем.

Книга VIII: Критика возрождения

...И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни...

Я окинул своих товарищей пылким взглядом, глубоко вдохнул приятную вонь костра, гулко откашлялся и, несмотря на то, что после двух бутылок коньяка моих друзей несколько развезло, начал свой рассказ:

– Каждый хоть чуточку уважающий себя человек непременно стремится придерживаться своего собственного мнения. О можно назвать натуральным бредом, ахинеей, продолжительным сумасшествием, продуктом белой горячки, шизофренией... Но оно свое, родное... И в итоге за это маленькое безумие придется заплатить. Причем те, кто однажды постучат в вашу дверь, затребуют самую высокую цену из возможных.

Я еще раз осмотрел всех тех, кто собрался вокруг костра, и спросил:

– Кто из вас готов умереть за свое мнение?

Они осторожно переглянулись, однако ни звука, ни ползвучка не вылетело из их уст.

– Неужели ваше мнение так ничтожно, что вы не в состоянии встать на его защиту?

– Я готов защищать свое мнение, – Паша всегда отличался тем, что никогда не воспринимал чужие слова как должное, всегда спорил, – Но только не ценой жизни. Смерть не есть выход.

Между тем я строил на своем лице монументы невозмутимого спокойствия.

– Помнишь нашего преподавателя по офтальмологии? Он говорил, что все учат нас, как лечить, но никто не учит тому, как вылечить. С тобой примерно такая же ситуация: ты готов защищать, но не защитить.

...Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа. И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец...

– А ты готов? – воскликнула Инга.

– Готов!

– Даже прямо сейчас?

– Всему свое время.

– Это твоя очередная хитроумная уловка, – заявил Захар, протирая свои покрасневшие от алкоголя глаза.

– Жизнью бросаются самоубийцы, а умные люди жертвуют ею по необходимости.

– Но как ты поймешь, что время пришло? – спросила Инга.

– Пойму. Не я первый, не я последний. В душе вы тоже способны на это и в нужный момент вы сделаете свой личный выбор.

Паша тихо рассмеялся. Взглянув на него, я тоже улыбнулся.

– Я рад, что хоть кто-то из вас способен трезво мыслить.

– О чем ты?

– Всё, что я только что говорил, не имеет никакого значения.

– То есть?

– Это была всего лишь преамбула, и я продолжу, если вы еще не раздумали меня слушать.

– А о ком ты собираешься нам рассказать?

– О том, кого звали Сократ.

– Кажись это какой-то философ? Вероятно, ты решил нас усыпить.

– Не пугайтесь, друзья. Моя цель иная.

– Тогда что же совершил этот чёртов Сократ, если ты прилип к нему, как банный лист.

– Он тоже имел свое мнение. Это мнение не нравилось другим, и они попытались заткнуть ему глотку.

– Так он не сдался?

– Не все подобны слабаку Галилею.

...Спустя несколько времени, Каин принес от

плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился и поникло лице его. И сказал Господь Бог Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним. И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его...

– Сократ жил в Греции в 469–399 годах до нашей эры. По сути, он был скептиком, но не вынуждал других принимать свою точку зрения, а особым способом вопрошания заставлял каждого человека выражать свою внутреннюю философию. Он учил, что душа существует до тела и перед погружением в тело наделяется всем знанием. Когда душа входит в материальную форму, она притупляется, но последующими рассуждениями о чувственных объектах она пробуждается и восстанавливает свое исходное знание. На этих посылах была основана его попытка стимулировать мощь души через иронию и индуктивное размышление. Единственным предметом его философии был человек. Он провозглашал философию дорогой к истинному счастью, а цель философии – двойною: размышление и постижение Бога и освобождение души от материального плена.

О Боге он говорил: «Что Он есть, я не знаю; я знаю, чем

Он не является».

Однако для многих Сократ был как в глазу бревно. Особенно он был неуютен для некоего Анита.

Книга IX: Критика обстоятельств

...И сказал Господь Бог Каину: где Авель, брат твой?

Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?..

Великий скептик любил ходить на комедийные постановки, но не потому, что они удовлетворяли его интеллектуально. Просто хотелось от души посмеяться над всеми напыщенными писателями, лишенными всяческих талантов, но одаренными избыточной потребностью в признании их непомерного величия.

– А что сегодня за комедия? – спросил Сократ рядом сидящего грека.

Эллин судорожно встрепенулся, его брови стали медленно ползти вверх на полысевший череп, на лице застыл гигантский знак вопроса, а язык прошипел что-то несурзное:

– Вы что-то спросили?

– Да, нет. Ничего. Всё в порядке, – ответил Сократ, и его взгляд вновь устремился на сцену.

– Вашему вниманию предоставляется произведение Аристофана «Облака», – сообщили по ходу пьесы.

– Что ж посмотрим, чем эта бездарность решила нас потешить в этот раз.

Сократ внимательно и сосредоточенно следил за сюжетом, так что появление актера, пародирующего некоего философа, не стало для него неожиданностью, тем более шоком.

– Да, да... Ха-ха... Насколько точно подмечено..., – доносилось со всех сторон и пролетало мимо ушей истинного философа.

Сократ смотрел на жалкого актеришку, сидящего в корзине, подвешенной в воздухе, и изучающего Солнце, и понимал, что смех, пронизывающий пространство вокруг сцены, адресован лично ему.

– Какое жалкое зрелище, – подумал философ.

Его лицо отражало истинную безмятежность в тот миг, когда он поднялся с сиденья, чтобы предстать перед афинскими зрителями в своем истинном обличье.

...И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более силы своей для тебя, ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. И сказал Каин Господу Богу: наказание мое больше, чем снести можно; вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мной, убьет меня...

Сократ стоял, полный неподдельного величия, и казалось,

что среди зрительских рядов затерялся не самый обычный человек, а божество, только что сошедшее с величественного Олимпа. Сначала люди просто молчали, потом появились возгласы, которые были подобием беспомощных порывов ветра, которые тут же переросли в вихревые потоки урагана.

И вот уже вокруг, словно безразмерный пчелиный рой, безумствовал народ, демонический демос.

– Всё ложь! Вы лжете нам! Вот истинный Сократ, а ваши гадкие маски ни чуть не похожи на собственные черты Сократа.

Философ тихо опустился на сиденье, желая прекратить шум и гам, и люди понимающе исполнили его просьбу. Со всем незнакомые друг с другом, они были поразительно близки, так что могли чувствовать искренность мысли на расстоянии. Возможно, настоящий гений тем и отличен от пышнолобых тугодумов, что далек от народа своей близостью.

Лишь только Сократ коснулся сиденья задней частью своего тела, как от глубокой дремоты вновь очнулся его сосед.

– Уважаемый, вы случайно не знаете, кто этот Сократ, которому так ожесточенно скандируют трибуны?

...И сказал ему Господь Бог: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемерами. И сделал Господь Бог Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин от лица Господня и поселился в

земле Нод, на восток от Едема. И познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха. И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох. У Еноха родился Гаидад; Гаидад родил Малелеила; Малелеил родил Мафусала; Мафусал родил Ламеха. И взял себе Ламех две жены: имя одной: Ада, и имя второй: Селла. Ада родила Иавала: он был отец всех живущих в шатрах со стадами. Имя брату его Иувал: он был отец всех, играющих на гуслях и свирели. Селла также родила Фовела, который был ковочем всех орудий из меди и железа. И сестра Фовела Ноема. И сказал Ламех женам своим: Ада и Селла! послушайте голоса моего, жены Ламеховы! внимайте словам моим: я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне; если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро...

Сократ промолчал, ничего не ответив, и продолжил с всё тем же неподдельным интересом просмотр несмешной комедии. Правда, комедии уже пришел конец.

А еще философ внезапно ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Он оглянулся и увидел того, кого всегда видел у себя за спиной. Давнишний враг смотрел на Сократа испытующим взором, но великий скептик не страшился.

– Смотри, смотри, Анит, – думал Сократ, – В твоём сыне оказалось больше порядочности, чем в тебе. И разве могу я быть тому виной?

Книга X: Критика национализма

...И познал Адам еще Еву, жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф, потому что, говорила она, Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин. У Сифа также родился сын, и он нарек ему имя: Енос; тогда начали призывать имя Господа Бога...

Сегодняшний день, а также все последующие, Сократу предстояло провести в обществе пятисот и одного гелиаста. Процедура слушания судебного дела началась с оглашения обвинительной жалобы. Эта посредственность была посредственно представлена посредственным поэтом-трагиком Мелетом.

С его губ, ловко передвигавшихся на фоне застывшего в состоянии возвышенного пафоса лица, неслись лавинообразные потоки бездарных речей, переполненные ложью доноса. В конце концов, Сократ не удержался и сказал:

– По-моему, афиняне, он – большой наглец и озорник и подал на меня эту жалобу просто по наглости и невоздержанности, да еще по молодости лет.

Далее шла обвинительная речь Полиэкта, написанная Анитом, после которой Сократу предстояло сказать пару тысяч слов в свою защиту.

Перед слушанием Лисий написал для Сократа защитную

речь, составленную в духе тогдашних судебных выступлений. Ознакомившись с ней, Сократ сказал:

– Прекрасная речь, мой Лисий, но для меня неподходящая.

Слабо сказать, что Лисий недоумевал, скорее он был шокирован.

– Как же хорошая речь может быть для тебя неподходящей?

В ответ Сократ заметил:

– Разве и прекрасные наряды не были бы для меня неподходящими?!

Отказавшись от помощи Лисия, Сократ защищался сам, в своей обычной манере опровержения мнений, доводов и предрассудков.

...Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их. Адам жил двести тридцать лет и родил сына по подобию своему и по образу своему, и нарек ему имя: Сиф. Дней Адама по рождении Сифа было семьсот лет, и родил он сынов и дочерей. Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер...

– Ты безбожен, ибо утверждаешь, что Солнце – камень, а Луна – земля.

– Анаксагора, стало быть, ты обвиняешь, друг мой Мелет,

и так презираешь судей и считаешь их столь безграмотными, что думаешь, будто им неизвестно, что книги Анаксагора из Клазомен переполнены такими утверждениями? А молодые люди, оказывается, узнают это от меня, когда могут узнать то же самое, заплативши в орхестре самое большое драхму, и потом осмеять Сократа, если он станет приписывать себе эти мысли, к тому же еще такие нелепые!

Пытаясь спасти положение, Мелет стал ссылаться на демонизм, но тут же получил жесткий отпор:

– Если гениев я признаю, с чем ты согласен, а гении – это некие боги, то выходит: ты шутишь и предлагаешь загадку, утверждая, что я не признаю богов и в тоже время признаю их, потому что гениев-то я признаю. С другой стороны, если гении – это как бы побочные дети богов, от нимф или от кого-нибудь еще, как гласят предания, то какой же человек, признавая детей богов, не будет признавать самих богов?

Но демонизм Сократа – и это воодушевляло его обвинителей, питало энергию их возмущения – имел необычный, некий сугубо индивидуальный, личностный характер; он был неким внутренним богом и гением самого Сократа, лишь для него существовавшим и лишь ему вещавшим божественным внутренним голосом.

...Сиф жил двести пять лет и родил Еноса. По рождении Еноса Сиф жил семьсот семь лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Сифовых было девятьсот двенадцать лет; и он умер...

Степень свободы и автономии личности, требуемая его демоном, была чрезмерна для всех этих низкородных плебеев. Сократовский путь демонстрации мудрости бога сопровождался разоблачением суетной и ложной мудрости представителей афинского полиса, а внутренний голос личного бога-демона заглушал общеобязательные веления полиса своим членам.

– Сократ, ссылаясь на худшие места из знаменитых поэтов, учил неуважению к простому народу, преступлениям и тирании; Сократ настраивал юношей против их родителей, родственников и друзей, выставляя последних в глупом виде.

Обвинители не подкрепили свои суждения какими-либо конкретными доказательствами. Не выставили они и свидетелей. Упоминание имен Алкивиада и Крития, которых ко времени суда уже не было в живых, лишь подогревало страсти, но ничего не доказывало. Когда же юный Платон выразил желание выступить в качестве свидетеля защиты, последовал отказ.

– Я лишь вел беседу со всеми, кто задавал мне вопросы, кому нравилось вместе со мной разбирать различные вопросы или было просто забавно присутствовать на моих испытаниях чужой мудрости. Я не брался их улучшать, не обещал им никакой мудрости. И если кто из них становится честнее или хуже, я по справедливости не могу за это держать ответ, потому что никого никогда не обещал учить и не учил.

В моих беседах я всегда стремился только к Истине и добродетели.

Книга XI: Критика идиотизма

...Енос жил сто девяносто лет и родил Каинана. По рождении Каинана Енос жил семьсот пятнадцать лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Еноса было девятьсот пять; и он умер...

Обвинители, возбуждая дело, рассчитывали, с одной стороны, испугать Сократа и заставить его замолчать, а с другой – дискредитировать его в глазах афинян, представив его мудрость и весь его образ жизни как богохульство и нарушение устоев полиса. Но Сократ, приняв брошенный вызов, заставил своих обвинителей, а заодно и близких им по духу судей, пойти до конца.

Занятая Сократом бескомпромиссная позиция, принципиальное отрицание вины по всем пунктам предъявленного обвинения, уверенное отстаивание своих взглядов и высокого смысла всей своей прежней жизни лишь подогрели направленные против него страсти и предрассудки.

– Вы хотите знать, почему я не добиваюсь снисхождения, не собираюсь слезно упрашивать и умолять вас внять моим мольбам, не взываю к вашей жалости, не привожу в суд плачущих детей, скорбящих родственников, друзей и знакомых?

– Да. Дай нам это!

– Судья поставлен не для того, чтобы миловать по произволу, но для того, чтобы творить суд по правде; и присягал он не в том, что будет миловать кого захочет, но в том, что будет судить по законам. Поэтому и нам не следует приучать вас нарушать присягу, и вам не следует к этому приучаться, иначе мы с вами можем одинаково впасть в нечестье.

– Твоя критика неуместна!

– Так же как и ваши обвинения.

– Так ты не признаёшь своей вины?

– Я – бедный человек, который, оставив собственные дела, заботился о добродетели сограждан и благе государства. Если же я должен по справедливости оценить свои заслуги, то вот к чему я присуждаю себя – к обеду в Пританее.

...Каинан жил сто семьдесят лет и родил Малелеила.

По рождении Малелеила Каинан жил семьсот сорок лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Каинана было девятьсот десять лет; и он умер...

Судей сильно покорило от сути заявления, и кто-то скромно простонал от изумления, а кто-то закричал:

– Гнать тебя нужно из Афин!

– Да что вы говорите?! Неужели без вас я никак не смогу определить свою судьбу?

– Тогда мы отправим тебя за решетку!

– Если бы вы не были так ничтожны, я бы, наверное, даже пожалел вас. Настолько безумны ваши речи, что я начинаю

задумываться, каким образом вы попали в судьи... Ну, да ладно... Я же приемлю лишь один вариант приговора.

– И какой же, если не секрет?

– Всё мое скромное имущество оценивается примерно в пять мин, в связи с чем я считаю разумным штраф в одну мину серебра. Но поскольку мои друзья – Платон, Критон, Критобул, Аполлодор – просили меня назвать в качестве меры наказания штраф в 30 мин, я предлагаю эту меру наказания.

Суд ушел на совещание, но заранее было известно, чем закончатся судейские дебаты. Перевесом в 80 голосов Сократу был вынесен смертный приговор.

Сократ знал, что всё должно было закончиться именно так и никак иначе, однако почему-то до последних секунд в его душе теплилась наивная вера в то, что ружье всё-таки не выстрелит. И всё же это свершилось. Чувства Сократа были спутаны, казалось, он был смущен. Бедный философ, которому всегда в жизни не везло, внезапно сорвал банк. Да, Сократ добился своего, однако готов ли он был к этой победе?

В любом случае, отступать было слишком поздно.

...Малелеил жил сто шестьдесят пять лет и родил Иареда. По рождении Иареда Малелеил жил семьсот тридцать лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Малелеила было восемьсот девяносто пять лет; и он умер...

– Ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому другому не

следует избегать смерти любыми способами без разбора. Избежать смерти не трудно, афиняне, а вот что гораздо труднее – это избежать испорченности: она настигает стремительнее смерти.

Последние слова Сократа были полны фатализма, хотя мне кажется, что все его слова, строки и запятые писались чернилами рока.

– Я скажу вам: пожалуй, всё это произошло мне на благо, и, видно, неправильно мнение всех тех, кто думает, будто смерть – это зло. Как глубокий старик я и так уже близок к смерти. О вас же, обвинителях и судьях, пойдет великая и прекрасная слава убийц мудреца. С моим уходом появятся новые обличители. Если же вы думаете, что, умерщвляя людей, вы заставите их не порицать вас за то, что вы живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Такой способ самозащиты не вполне надежен и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не затыкать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше... С хорошим человеком не может произойти ничего дурного ни при жизни, ни после: боги не перестают заботиться о его делах. Но уже пора идти отсюда; мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить, а что из этого лучше, никому неизвестно, кроме бога.

Сократа повели в тюрьму. Так закончился самый напряженный день Сократа – философа и человека. Он проиграл свое уголовное дело расчетливо, мудро, красиво, выиграв тем самым дело всей своей жизни. Такова была развязка бес-

проигрышной и безвыигрышной игры с жесткими правилами.

Книга XII: Критика пути

...Иаред жил сто шестьдесят два года и родил Еноха. По рождении Еноха Иаред жил восемьсот лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Иареда было девятьсот шестьдесят два года; и он умер...

Замученные моим повествованием друзья-товарищи уныло взирали на мою персону. Их искореженные усталостью физиономии требовали скорейшего окончания.

– Вот и всё! – заявил я, после чего молча поднялся, дабы удалиться.

– Ты куда? – спросил Паша.

– Хочу прогуляться.

– В два часа ночи? Да и где? Здесь кругом лес.

– Днем я наткнулся на песчаный карьер. Извините, но мне нужно побыть одному. Со мной всё будет в порядке.

И вот я стою как истукан посреди заброшенного карьера. Каковы мои мысли? Неизвестно.

Мой взгляд устремлен куда-то далеко к звездному небу. Меня никогда не интересовала астрономия, и я до сих пор не могу отыскать Полярную звезду, но это вселенское зрелище способно заморозить любого наблюдателя.

Неожиданно кто-то дотронулся до моего плеча. Сработал

вековой инстинкт самосохранения, и я молниеносно отпрянул в сторону.

– Что с тобой? – испуганно пролепетала Инга, – Это же я.

– Вижу. Но что ты тут делаешь?

В серебристых лучах половинчатого месяца ее растрепанные волосы приобрели какой-то причудливо-нелепый вид. В этом и была вся Инга.

Она тихо подошла ко мне, поймав мои зрачки своим нежным взглядом и, заключив меня в свои объятия, принялась настойчиво приближать свои губы к моему разинутому от удивления рту.

Но я отвернулся.

– В чем дело? Ты же всегда этого хотел?

– Прости. Не сейчас.

...Енох жил сто шестьдесят пять лет и родил Мафусала. И ходил Енох пред Богом, по рождении Мафусала двести лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Еноха было триста шестьдесят пять лет. И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его...

Стоматологическая братия в составе трех человек смогла успешно расположиться на ночлег в Пашиной «Ниве». Я же решил прикорнуть подле догорающего костра...

Мой путь шел через сад. Я двигался вперед, подгоняемый самим собой, но внезапно передо мной возникло страшное создание, чертящее сверкающим мечом широкий круг, че-

рез который нет пути, и я не мог переступить его.

Херувим так обратился к Ищущему выхода:

– Человек, из праха ты вышел и в прах уйдешь. Ты был создан Строителем Форм, ты принадлежишь сфере формы, и дыхание, вдохнувшее в тебя душу, было дыханием формы, и, подобно пламени, оно угаснет. Большим, чем ты есть, ты быть не можешь. Ты обитатель Внешнего мира, и тебе запрещено входить во внутренний круг.

И я ответил ему:

– Много раз стоял я перед этим местом и просил дозволения войти в Дом Моего Отца, и ты всякий раз отказывал мне в этом и посылал меня снова скитаться во тьме. Истинно, что я вышел из праха и что мой Творец не дал мне бессмертия. Но ты не можешь больше отсылать меня во мрак, потому что, скитаясь там, я открыл, что Всемогущий предписал мне спасение, послав наиболее Скрытого Тайного Своего Отпрыска, который взял на себя мир, созданный Демиургом. На элементах этого мира Он был распят, и из Него пролилась кровь моего спасения. И Бог, войдя в свое создание, оживил его и установил путь, который идет к Нему. Хотя мой Творец не дал мне бессмертия, бессмертие зиждется в каждой пылинке, из которых я состою, потому что до того, как был создан мир, и до того, как Демиург стал Регентом Природы, Внешняя Жизнь проявилась на лице Космоса. Это ее знак – Крест. Неужели ты отказываешь войти мне, кто познал тайну самого себя?

...Мафусал жил сто восемьдесят семь лет и родил Ламеха. По рождении Ламеха Мафусал жил семьсот восемьдесят два года и родил сынов и дочерей. Всех же дней Мафусала было девятьсот шестьдесят девять лет; и он умер...

И Голос ответил:

– Тот, кто познал и осознал, ЕСТЬ! Узри!

Осмотревшись вокруг, я обнаружил себя в залитом светом месте, среди которого стоит дерево со свисающими с ветвей драгоценными камнями, увенчанное пламенем, обвитое Змеем с диадемой из звезд.

То был голос Змея.

– Кто ты? – спросил я.

– Я, – отвечивал Змей, – Сатана низвергнутый; Я Враг – Повелитель, который против тебя и который призывает к твоему уничтожению перед Вечным Судом. Я стал твоим врагом с того самого дня, когда ты был сделан; это я вводил тебя в искушение, это я доставил тебя в руки зла; это я оклеветал тебя; я всё сделал для того, чтобы ты исчез. Я страж Древа Познания, и я поклялся, что никто, кого я ввел в заблуждение, не вкусит его плодов.

И я ответил ему:

– Многие века я был твоим слугой. В невежестве моем я слушал твои слова, и это привело меня на стезю печали. Ты заронил в мой ум мечту о власти, и борьба за обладание ею привела меня лишь к боли и печали. Ты посеял во мне се-

мена желания, и когда я взалкал вещей из плоти, я получил лишь агонию. Ты послал мне ложных пророков и внушил ложные мысли, и, когда я в мучительной борьбе осознал величие Истины, я понял, что твои законы ложны.

Книга XIII: Критика конца

...Ламех жил сто восемьдесят восемь лет и родил сына, и нарек ему имя: Ной, сказав: он утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при земли, которую проклял Господь Бог. И жил Ламех по рождении Ноя пятьсот шестьдесят пять лет и родил сынов и дочерей. Всех же дне Ламеха было семьсот пятьдесят три года; и он умер...

– Я разделался с тобой навечно, искусный Дух. Я устал от твоего мира иллюзий. Я больше не тружусь в твоём несправедном винограднике. Прочь от меня, искуситель, вместе со всем сонмом искушений. В исповедуемых тобой ненависти, эгоизме и страсти нет ни счастья, ни мира, ни добра, ни будущего. Я отрицаю твои ценности. Твое правление кончено во веки веков!

И Змей ответил:

– Смотри, человек, природу Врага!

Змей исчез в сиянии лучей света, и вместо него заступил ангел в сияющих одеждах с красными крыльями, простертыми от одного края неба до другого. Устрашенный и потря-

сенный, я упал перед божественным созданием.

– Я Повелитель, который перед тобой, и я твое спасение, – продолжал Голос, – Ты ненавидел меня, но через века ты благословишь меня, потому что я вывел тебя из сферы Демиурга. Я повернул тебя против иллюзии мира, я отучил тебя от желаний, я пробудил в твоей душе бессмертие, свойственное мне. Следуй за мной, человек, потому что я – Путь, Жизнь и Истина!..

Я проснулся от солнечного света, настойчиво бившего мне в глаза. Разомкнув створки занемевших век, я увидел светлую синеву бесконечного неба. Рядом летали назойливые мухи, слепни, комары и иные виды крылатой нечисти. Махнув на них рукой, я скинул с себя покрывало, любезно предоставленное Пашей, и вскочил на ноги. Однако меня ждал новый сюрприз.

...Ною было пятьсот лет и родил Ной трех сынов:
Сима, Хама и Иафета...

Пятнадцать километров – не такой уж и большой путь в абсолютных числах, если, конечно, вы сами не решили осуществить такое путешествие, обувшись в новенькие лакированные туфли.

Спустя два часа я был где-то на середине заданного расстояния, однако сил продолжать поход я уже не ощущал. Ноги просто рассыпались от пронизывающих приступов боли. А еще в голове неустанно всплывал один и тот же вопрос:

– Где мои друзья? Что всё это значит?

За ночь автомобиль и все, кто в нем находились, благополучно испарились.

– Зачем они меня бросили?

В кармане я нашел странноватую записку с необъяснимым смыслом. Это было больше похоже на обрывок бумаги, на котором корявым подчерком было бездумно записано:

«И вот собрались за привлекательным праздничным столом черные друзья, которых сегодня объединяет офигительный повод, а именно – день рождения синтетического парня удивительного Михаила. Собрались здесь его безупречные друзья, а именно: сумасшедший Игорь, который безумно любит полосатую биохимию, стебанутый Артем, который эзотерически любит свою гормональную машину «семерку», мокрый Паша, также любящий свою придурковатую машину и острую тещу. Также здесь вампирический Варенец, который очень любит межпланетную стоматологию и свою пришибленную жизнь без нее не представляет. Каталитическая Инга тоже сегодня дурно поздравила именинника, пожелав ему продольного здоровья и бесконечных успехов в учебе. И карманный Миша рад этому. Также у страстного Ромы, очень хотевшего попасть на сегодняшнее мерцательное торжество, сбылась его генеральная мечта. Сосательная Юля присоединилась к патофизиологическим пожеланиям своего сверкающего Артема и поздравила вместе со сморкающейся Инной близкого Мишу с днем рождения. И, конечно же, склизкий Захар – травяной и незаменимо-кис-

лый гость на этой вечеринке – тоже рад водопроводной гулянке обжигающих друзей и самостоятельно поздравил фригидного именинника. Короткие гости едят сухоочистительную пищу с вонючего стола, накрытого именинником, пьют сонные спиртные напитки, едят летальный шашлык, курят микромоторный кальян Захара. У всех на лицах косые улыбки и наблюдаются опоясывающие движения во всем теле. Ректальная компания прекрасно радуется происходящему и желает чаще проводить такие клинические встречи друзей. Они еще не знают, что эта отрубевидная встреча закончится плохим похмельем, но это их не волнует, потому что ничем не повторить эту любящую посиделку.»

...Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь Бог: не вечно Духу моему быть пренебрегаемым человеками сими, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди...

Но вот я качающейся и хромающей походкой подбираюсь к площади Революции. Еще немного и в полнейшем бессилии я заваливаюсь на приписанную к остановке лавочку.

– Должно быть, ты сильно устал?

Лишь теперь я заметил, что до моего появления на этом месте одиноко присутствовал странный старик. Его внешний вид мало соответствовал санэпиднормативам, поэтому я поспешил к подходившему автобусу.

– Куда ты? На автобусах без шофера не ездят.

Я обернулся, но остановка опустела.

Критическая вариация на тему эпилога

*...И увидел Господь Бог, что велико развращение
человеков на земле, и что все мысли и помышления
сердца их были зло во всякое время; и раскаялся
Господь, что создал человека на земле, и восскорбел
в сердце своем. И сказал Господь: истреблю с земли
человеков, которых Я сотворил, от человека до
скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я
раскаялся, что создал их.*

Бытие

Я вижу внизу голубую гладь реки. До нее метров двадцать. Никогда не думал, что пойду на это.

– Ну и ладно. Лучше уж так, чем быть в городе, где автобусы без пассажиров, машины без водителей, квартиры без жителей...

В последний раз я кинул взгляд на порхающих чаек и, прошептав:

– Вот и кончилось лето, – бросился вниз.

Повторное вступление к Роману

Первые мысли о смерти возникли в моей голове, когда мне было шесть лет от роду. Хочу сразу же оградить Вас от поспешных выводов об излишней суровости моего детства. Я рос абсолютно типично, ничем не выделяясь среди своих сверстников. Совершенно случайно мне внезапно захотелось понять, что ждет меня после смерти.

– Неужели, прожив веселую беспечную жизнь, я внезапно перестану существовать и превращусь в ничто? – таков был вопрос.

Что было потом, Вам прекрасно известно. Вероятно кто-то из Вас назовет меня придурком, а кто-то даже не найдет достаточно грязных слов, чтобы качественно зацепить мое самолюбие.

Хотя о чем это я тут болтаю? Должно быть об очередной иллюзии. О том, что я умер.

Часть вторая: Левиафан

Царь спросил, что для человека наилучшее и наименее предпочтительнейшее. Упорно и недвижно молчал демон; наконец, принуждаемый царем, он с раскатистым хохотом разразился такими словами: «Злополучный однодневный род, дети случая и нужды, зачем вынуждаешь ты меня сказать тебе то, чего полезнее было бы тебе не слышать? Наилучшее для тебя вполне недостижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А второе по достоинству для тебя – скоро умереть».

Фридрих Ницше

Открыв глаза, я обнаружил себя лежащим на своей собственной кровати у себя дома.

– Всего лишь сон. Всего лишь обычный ночной кошмар, – подумал я и протянул руку к будильнику.

Часы показывали шестой час, и я решил, что уже вряд ли смогу уснуть. Скинув с себя одеяло, я поплелся в ванную, где пробыл часа полтора. Находясь там, я пытался расслабиться, но как-то не получалось. В голову постоянно лезли фрагменты ночных сновидений.

– Странно, но я почему-то до сих пор помню весь этот бред.

Вынырнув из ванной, я попытался заполнить пустоту же-

лудка экспериментальными отбросами кулинарии, однако помимо выдохшейся «Кашинской» в холодильнике имелся только лед.

– Что за блядство, – прошептал я и захлопнул дверцу холодильника.

Были попытки вспомнить, куда делась еда, но последнее, что я помнил из событий не столь отдаленных, датировалось прошлым месяцем. Из более позднего вспоминались лишь сновидения, которые как ни странно отпечатались в моей памяти в детальных подробностях.

Исследователи Библии утверждают, что библейский левиафан – это мифологическое морское чудовище, похожее на змея...

Переполненный голодом и злобой, я принялся искать ключи от квартиры, и тут раздался звонок в дверь.

– Кого принесло в такую рань?!

На пороге стоял незнакомец, что еще больше разозлило мою сущность.

– Кто вы?

Незнакомец не ответил, но, ухватившись за дверную ручку, рванул ее на себя и, оттолкнув меня в сторону, прошел в помещение.

– Какого чёрта?! – закричал я.

– Заткнись и закрой дверь, – угрожающе серьезно ответил незнакомец.

Выполнив приказ, я обнаружил его сидящим на стуле по-

середине комнаты.

– А вы не хотите разуться?

– Успокойся и перестань молотить чепуху. Ты здесь оказался не для занятий словоблудием.

Последние слова незнакомца меня реально смутили.

– Подождите, я кажется в своей квартире.

Незнакомец рассмеялся, после чего достал пачку «L&M» и закурил.

– А это уже наглость.

– Я же велел тебе успокоиться, – в голосе незнакомца появились по-настоящему гневные нотки, – Садись и слушай.

Решив, что слишком велика вероятность наличия у непрошеного гостя за пазухой огнестрельного оружия, я выполнил его пожелание. Теперь мы сидели друг напротив друга, упершись друг в друга взглядом.

– Ты хочешь знать, кто я такой? Хочешь знать, почему я бесцеремонно врываюсь в твоё жилище, почему навязываю тебе свое мнение?

– Да.

Мой ответ был прост, но отражал всю событийность проблемы.

– Начнем с того, что это не твоя квартира.

– Что? – я был готов к чему угодно, но только не к этому.

В голове мелькнула мысль о квартирных мошенниках из телевизионных передач, которые выкидывают умирающих стариков на улицу. Но незнакомец вытащил из внутреннего

кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги и протянул мне.

– Возьми для ознакомления.

– Что это? – с недоверием прошептал я.

– Письменное соглашение об аренде этой квартиры на полгода.

– Кем?

– Тобой.

– В смысле? Как я могу арендовать квартиру сам у себя?

– Не у себя, а у гражданки Ивановой Екатерины Геннадьевны.

– А кто она такая?

– Законная хозяйка этой квартиры.

– Но я владелец этой квартиры. Я получил ее после смерти родителей.

– Ошибаешься. То была другая квартира. Не эта.

В этом разговоре я достиг пика непонимания, так что мозги начали осваивать морской узел.

– Ты думаешь, что неудавшееся празднование дня рождения было сном, но это не так. Поэтому можешь отбросить свои детские иллюзии по поводу своего возвращения к счастливой реальности. Ты не дома и никогда больше там не окажешься, потому что отныне у тебя нет дома.

– Тогда где я, чёрт возьми, нахожусь?

– О, это довольно сложный вопрос, который нам с тобой придется довольно долго и нудно обсуждать. Сейчас же я

предлагаю тебе пойти прогуляться.

...В тот день поразит Господь мечом своим тяжелым, и большим, и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское...

– Куда мы едим? – спросил я незнакомца после того, как мы уселись на заднее сиденье пятьдесят четвертой маршрутки.

– Нужно встретиться с одним старым знакомым.

– А кто он?

Незнакомец посмотрел на меня взглядом полным иронии, после чего отвернулся в другую сторону и уставился на какого-то мужика, сидящего рядом.

– Может пора познакомиться? Не припоминаю, чтобы ты называл свое имя.

– Нет.

– Тогда хотя бы объясни, что происходит.

– Позже.

В этот момент неизвестный мужик, сидящий рядом, повернулся к незнакомцу лицом и заявил:

– Уважаемый, что вы так на меня смотрите? Я вам, что картина?

Я рассмеялся, но тут же загасил в себе смех, боясь получить в ухо. Незнакомец ничего не ответил и, поднявшись с автобусного сиденья, направился к выходу.

– За двоих. На остановке.

Протянув деньги кассиру, он повернулся ко мне и крикнул:

– А ты чего ждешь?

Пришлось следовать за ним. Когда мы оказались вне транспортного средства, незнакомец сказал:

– Дальше пойдем пешком.

Это было очередным поводом для недоумения.

– Может объяснишь, почему нельзя было продолжить путешествие на маршрутке?

– Там было опасно.

– Ты что испугался этого мужика?

Незнакомец окатил меня волной презрительного высокомерия, которое искрилось в его зеленых глазах, и ответил:

– Тебе еще рано встречаться с найтами.

– А это еще что за ребята? Не пора ли раскрыть хотя бы некоторые из запрятанных карт?

В этот момент у него видимо не выдержали нервы, он схватил меня за грудки.

– Приди в себя, идиот чёртгов, – прошептал незнакомец, впившись в меня своим разъяренным взглядом, – Пойми, что я здесь не шутики шуткую.

– Я бы рад, но пока что вынужден отказать тебе в доверии, потому что не привык к играм в «секретные материалы».

Посомневавшись с полсотни миллисекунд, он решил меня отпустить.

– Кто ты? – спросил я в очередной раз.

Однако незнакомец был непреклонен.

– Скоро узнаешь, если пойдешь за мной. Впрочем, тебе самому решать.

После этих слов незнакомец продолжил свое путешествие, точнее наше, потому что я всё-таки решил последовать за ним. Через полчаса мы добрались до улицы Хромова и повернули к дому номер тринадцать. Весь путь совершался с полным молчанием в эфире, так как мне больше не хотелось злить своего гуру.

Когда незнакомец позвонил в дверь номер 66 в шестом подъезде, я почему-то не удивился. Звонок в данном случае был довольно своеобразен. От его мелодии могли проснуться даже обитатели морга. Но хозяин был более стоек, и шум открывающейся двери раздался лишь по прошествии десяти минут оживленных дебатов. Хозяином оказался довольно упитанный товарищ с прической аля-третий рейх.

– А, это вы, – сказал он зевая, – Ну, проходите.

Так мы оказались в маленькой однокомнатной квартире, где меня ждало множество сюрпризов.

– Знакомьтесь. Игорь Малкин. Максим Нойман. Надеюсь, что вы сработаетесь.

– По-другому и быть не может, – сказал Нойман, – Чаю?

– Не откажусь, – ответил незнакомец.

– А вы? – спросил Нойман, обращаясь ко мне.

– Рад буду составить вам компанию.

Когда закипел чайник и чай оказался помещенным в чаш-

ки, мы затеяли беседу.

– Итак, – начал незнакомец, – всё ли готово?

– Сегодня вечером генеральное собрание, – рапортовал Нойман, – Там, я полагаю, нам удастся избавиться от последних недоработок, а завтра чуть свет ринемся на баррикады.

– Найты что-нибудь подозревают?

– Нет. Во всяком случае мне об этом ничего неизвестно.

– Мы встретили тут одного по дороге.

– Да? И где он сейчас?

– Известно где.

– А подробнее?

– Стоит под твоим балконом.

От неожиданности Нойман упал со стула.

– Ты шутишь? – спросил он, потирая ушибленную лопатку.

– Думаешь, я на это способен?

– Нет.

– Тогда зачем спрашиваешь?

Я не знал, кем являлись эти чёртовы найты, в связи с чем не понимал содержания разговора между Нойманом и незнакомцем, и поэтому направил свое внимание на изучение квартирного интерьера. Однако нескольких пытливых взглядов хватило, чтобы удовлетворить любопытство. Ничего, кроме нацистских листовок и книг, свастических плакатов и знамен, мне так и не удалось обнаружить. При таком раскладе пришлось вновь примкнуть ухом к беседе.

...Следовательно, легенде о морском змее более трех тысяч лет, ведь Исайя пророчествовал приблизительно в VIII веке до нашей эры...

– И что будем делать? – спросил Нойман у незнакомца, – Ты собираешься его убить?

– Вовсе нет. Пальбой занимаются только дилетанты и шизофреники.

Незнакомец порылся в карманах, а потом протянул мне конверт синего цвета.

– Вскроешь его, когда разберешься с делами.

– С какими делами? – спросил я, отрывая взгляд от конверта.

– Максим введет тебя в курс.

– А что в конверте?

– Дальнейшие инструкции

– А почему не сказать о них прямо сейчас?

– Потому что так надо.

– Кажется, я это уже где-то слышал.

– Твое предназначение – исполнять возложенные на тебя функции, а не задавать глупые вопросы.

В голосе незнакомца вновь появилась злоба, и я вновь поспешил разрядить обстановку:

– Хорошо, хорошо. Всё под контролем, раз ты так хочешь.

– Очень рад. А теперь мне пора идти, – сказал незнакомец и протянул мне руку.

Его рукопожатие было по-дружески крепким, что навело

меня на мысль о том, что кем бы ни являлся этот товарищ, он хорошо ко мне относится, и даже мое отвратное поведение не способно настроить его против меня.

– Мы ведь еще увидимся? – спросил я.

– Непременно, – ответил незнакомец, – если конечно ты выживешь на этой войне, – и протянул мне сувенир от «тульского токаря».

Было около восьми вечера, когда мы вышли из подъезда дома номер тринадцать по улице Хромова.

– Тут недалеко, – сказал Нойман.

Однако понятие «недалеко» оказалось чересчур растяжимым. Нестроевым шагом человека, страдающего ожирением, Нойман перемещался крайне медленно, что довольно быстро начало выводить меня из себя.

– Ты можешь идти быстрее?

– Обратись в общество защиты сексуальных меньшинств.

В этот момент траекторию моего пути перекрыла неизвестная дама бомжеватого вида, везущая перед собой облезлую тачанку с кучей какого-то хлама.

– Мужик, дай сто рублей.

Я среагировал мгновенно. Выхватив ствол, я нажал курок, и в следующее мгновение по мостовой растеклась грязно-красная лужица крови.

– Ты что сдурел? – завопил подбежавший Нойман и вырвал из моих рук пистолет, – Ты что, твою мать, творишь?

– Она хотела меня убить, – спокойным тоном ответил я.

– С чего ты взял?

– У нее в руке граната.

Удивленный Нойман присел возле трупа, дабы изучить содержимое ее правой руки..

– Во чёрт, – прошептал он и в панике подскочил на ноги, – Ты был прав.

– Вопрос состоит не в моей правоте, а в том, что всё это значит.

– Она найт. У нее татуировка на подбородке.

– Железная логика. Интересно, кто еще не догадался.

Между тем вокруг нас успели собраться случайные прохожие с требованиями разъяснить происходящее.

– Уходим, – сказал Нойман, срываясь с места.

Я хотел было последовать за ним, но тут какой-то чуваче-ло схватил меня за рукав.

– Куда это вы, ребятки, собрались?

– Не твое дело! – ответил Нойман и разрядил в него половину обоймы.

У всего случившегося был только один плюс: Нойман наконец-то ускорил шаг. При этом он еще умудрялся разговаривать по телефону.

– Гена? Это Макс. Всё меняется. У нас тут ЧП... Нет времени. Нужно собраться на базе. Ты можешь нас подобрать?.. Хорошо. Ждем.

Между тем неподалеку начали завывать сирены.

– Нужно торопиться, – сказал Нойман, и мы поспешили к

месту условленной встречи.

Там нас уже ждал «УАЗик».

– Гена. Игорь. Валим быстрее, – на этот раз Нойману достался такой необычайно короткий монолог, но он не обижался.

– Что у вас там стряслось? – спросил Гена, когда позади оказалось несколько кварталов.

– Нам повстречался найт, пожелавший разнести нас на куски.

– Вам повезло.

– Не то слово. Вот только я пристрелил гражданского.

– Что? – от резкого удара по тормозам меня бросило вперед, – Что ты такое говоришь?

– У меня не было выбора.

– Осторожно! – хотел было крикнуть я, увидев пристроившуюся сбоку от нас тонированную иномарку, но не успел.

В следующее мгновение несколько автоматных очередей изрешетили переднее отделение салона Гениного «УАЗика». Я же продолжал сидеть на заднем сиденье, ошарашено взирая на мертвых товарищей. Дверца слева от меня распахнулась, после чего последовал приказ:

– Вылезайте из машины.

Эффект неожиданности брал свое, но нужно было собраться с духом и сделать как велено.

– Руки за голову.... Повернитесь.

Затем моя спина ощутила всю прелесть упругих свойств

резиновой дубинки. Я изогнулся в приступе ужасной боли, но смолчал. Человек в черных солнцезащитных очках подошел ко мне и схватил за горло.

– Ну что Малкин? Вот мы и встретились.

...Легенда почти в неизменной форме дошла до наших дней. Прекрасную иллюстрацию к ней можно увидеть в старинной книге Конрада Геснера. На знаменитой гравюре изображено парусное судно, рядом с которым возвышается змея невероятных размеров. Ужасное чудовище хватает матросов прямо с палубы...

– Заходи!

Передо мной распахнулась дверь комнаты для допросов, в которую нужно было войти.

– Присаживайтесь, господин Малкин, – заявил тип, сидевший за столом, размещенным по центру кабинета.

Впервые в жизни мне приходилось видеть подобный вариант человеческого индивидуума, и я стал подвергать его внимательному изучению.

– Вам интересна моя внешность? – спросил индивидуум.

– Да, – ответил я не смутившись, – О подобной форме эпителиальной дисплазии мне приходилось читать в книжках, но видеть это в живую....

– В принципе ничего особенного. Просто я лишен всякого волосяного покрова и других дериватов кожи.

– И как это?

– Вы хотите знать, не чувствую ли я дискомфорта? Нет.

Наоборот, довольно удобно. Представляете, сколько денег я экономлю, не подстригаясь, не покупая средства для бритья? Меня не тревожат проблемы с перхотью, я не страдаю от запаха пота, а по утрам мне не приходится корпеть над укладкой волос.

– Наверное.

– А вы врач?

– Почти. Я стоматолог.

Индивидуум нахмурил отсутствующие брови.

– Зачем вы здесь?

– Мне тоже хотелось бы знать ответ на этот вопрос.

– Моя фамилия Акимыч, но многие называют меня Парикмахером.

По моим губам невольно пробежала улыбка, которую я спешно запрятал.

– Не смущайтесь, – попросил Парикмахер, – Серьезные люди, коими и являемся мы с вами, должны относиться к своим недостаткам шутя. Скажу вам по секрету, наш отдел зовется «парикмахерской у Акимыча».

– Забавно.

Наблюдая за Парикмахером, я пришел к выводу, что он неплохой парень.

– Конечно, я рад с вами побеседовать, – сказал я, – но уют вашей кунсткамеры меня совершенно не вдохновляет.

Акимыч сделал серьезную мину и распахнул папку, лежащую перед ним на столе.

– Прошу у вас прощения за своих подчиненных и за ночь, проведенную в изоляторе. Им всегда трудно сдержаться в отношении мертвецов, разъезжающих по городу.

– Каких мертвецов?

Теперь на лице Парикмахера застыло удивление, и оно было явно не наигранным.

– Так вы, что и впрямь не знали?

– О чем?

– О том, что ваши приятели Нойман и Стародуб живые мертвецы.

В моей голове в очередной раз начали путаться мысли, но я всё же спросил:

– Это еще одна шутка?

Акимыч спешно положил передо мной несколько документов из своей папки, после чего заявил:

– Здесь всё написано. Сводка разведки. Результаты двухнедельной слежки. Отчеты экспертов.

Зачитываясь изящно выведенными каракулями, я не желал им верить.

– Это подстава, – прошептал я.

– Не верите? – ответил парикмахер, – Тогда идите за мной.

Сказав это, Акимыч поднялся из-за стола и вышел в коридор. Я последовал за ним. Пройдя шагов тридцать, он постучал в дверь, на которой располагалась табличка «экспериментальная». Спустя какое-то время она отворилась, мы вошли и оказались в большом зале, посреди которого нахо-

дились двое субъектов, цепями прикованных к потолку.

– Вот они, ваши друзья.

Полумрак, царивший в комнате, замедлил процесс узнавания, но, подойдя ближе, я понял, что это действительно они. Конечно, в их нынешнем состоянии узнать знакомые черты было довольно сложно, и всё же мне это удалось. При моем приближении на их лицах появился злобный оскал. С яростным ревом и слюной, стекающей по подбородку, Стародуб ринулся на меня, но цепь держала его крепко.

– Что с вами случилось? – прошептал я, взирая на эти подобия людей, измазанные кровью и потерявшие человеческие лица.

– Они были такими всегда, – раздалось позади меня.

– Этого не может быть, – заявил я, повернувшись к Акимычу, – Люди должны умирать.

– Мы тоже так считали, пока несколько таких же ублюдков не уничтожило наш отдел в Южном. В тот раз коллеги захватили несколько найтов и решили устроить им допрос по поводу незаконной торговли гиперкаином. В то время многое еще было в секрете. Рассказы про зомби казались сказками, поэтому настороженность была минимальной. Итог был печален. Пятьдесят наших сотрудников стали живыми мертвецами и бросились на истребление жителей микрорайона, так что только выстрел из протонной пушки спас нас от тяжелых последствий. Конечно жаль, что теперь в Южном никто не живет. Зато мы спасли город.

...Интересно, что 11 октября 1848 года морского змея наблюдала команда английского военного судна «Дедал». Длина змея была примерно 18 метров...

Когда мы вернулись в кабинет, Акимыч продолжил дознание.

– Думаю, я сумел убедить вас в том, что ваши приятели....

– Они не мои приятели, – перебил я Парикмахера.

– Занятно. Почему же тогда вы оказались в их машине?

– Один знакомый подогнал работу у них.

– Кто он?

– Не знаю.

– Как это? Вы не знаете имен своих друзей?

– Мы только вчера познакомились.

Вздыхая от чрезмерного негодования, Акимыч закатил глаза.

– Вы смеетесь?

– У меня нет привычки шутить с органами госбезопасности, – ответил я.

После моих слов Акимыч потеплел, однако на его лице сохранились следы служебного недоверия.

– Предположим, что вы говорите правду. А вам было известно, чем занимаются ваши работодатели?

– Да. Торговлей наркотическими препаратами.

– И вы так спокойно об этом говорите?

– Мне сказали, что всё совершенно легально, что их фирма является поставщиком наркотиков в лечебные учрежде-

ния Верхневолжья.

– Это действительно так. А вам приходилось слышать про гиперкаин?

– Нет, но вы о нем уже упоминали.

– Последняя разработка отечественных наркобаронов. Появился на рынке весной 2008 года и сразу пошел на «ура». В тысячу раз сильнее героина, не вызывает привыкания, но имеет один единственный побочный эффект – полная стерилизация клиента сразу после первой дозы.

– Я ничего не знал про контрабанду.

Акимыч бросил мне несколько фотографий. На них был запечатлен незнакомец в моем окружении.

– Это и есть тот человек, который подогнал вам работу?

Взирая на фотографии, я пытался придумать правильный ответ, но как-то не получалось.

– Это он?

– Да, это он.

Радостно потирая ладони, Акимыч бросил мне еще несколько фотографий. На этот раз незнакомец предстал передо мной в менее приятном ракурсе.

– Напоминает комиссара Каттани, не правда ли? – рассмеялся парикмахер.

Остекленевшие глаза незнакомца тупо смотрели на меня с фотокарточки. Конечно, его смерть не была для меня большой трагедией, но он хотя бы знал, кто я и как здесь оказался. Без него ситуация основательно усложнилась.

– Кажется, он всё-таки не был вам безразличен, – сказал Парикмахер.

– Это уже не ваше дело.

– Почему же? В вашем положении заблуждаться весьма опасно.

– Что это значит? – ухмыляющаяся рожа Акимыча начала меня раздражать, к тому же внезапно появились головные боли.

– Вы говорите, что ничего не знали о контрабанде. А как вы объясните наличие следов гиперкаина в вашей квартире?

В области солнечного сплетения начало ерзать странное предчувствие, которое леденящим шепотом пыталось предупредить меня о приближающейся опасности.

– Мне ничего об этом неизвестно.

– А вы не подскажите, куда направлялась ваша веселая компания, когда мы вас взяли?

– На склад?

– Зачем?

– Мне сказали, что прибыла новая партия экспериментальных препаратов, которые нужно срочно отправить в Москву. Перевозка должна была происходить в состоянии строжайшей секретности и под защитой вооруженной охраны.

От нервного перенапряжения Парикмахер начал чесаться и барабанить пальцами по столу.

– А как вы объясните два трупа на Республиканской? Найдт

еще ладно, но человек...

– Нойман рассказал мне, что первая партия препарата, поступившая две недели назад из Германии, была похищена группировкой найтов. Все боялись нового нападения... поэтому... человек погиб случайно...

– Хотелось бы вам верить, но на складе вашей фирмы мы не нашли ничего, кроме стада живых мертвецов и тридцати килограмм гиперкаина.

Я понимал, что обстановка накалилась до предела. Выхода из тупика не предвиделось. Незнакомец, определивший меня в фирму Ноймана, благополучно скончался, и вытаскивать мою задницу было некому.

– А что случилось с ним? – спросил я, ткнув пальцем в фотографию незнакомца.

– Убит сегодня утром в центре города.

– А вам известно, кто он?

– Также как и вам. Думаю, что мы бы вообще никогда о нем не узнали, если бы не вы.

– То есть?

– Видите ли, мы два месяца следили за фирмой «Кречет». Слишком много гиперкаиновых путей вело в этот офис. А вчера ожидалась большая партия, вот мы и решили их прижать. Но тут появились вы и один из наших сотрудников принялся утверждать, что вы покойник. Вот и пришлось вызывать антизомбический отряд.

– Но я же не труп.

– Парадоксально, но факт.

...Кто скажет теперь, что именно поразило воображение англичан?! И всё-таки чудовище то не могло быть змеей. В открытом море змея крупных размеров жить не может. Тело ее не приспособлено к быстрому плаванию в море – змея неминуемо погибла бы...

– Попросите капитана Бобрика зайти к нам, – приказал Акимыч по телефону.

Через минуту в кабинет вошел Бобрик, оказавшийся человеком в солнцезащитных очках.

– Я бы вас познакомил, но думаю, что в этом нет необходимости. Ведь так, капитан?

Моя кожа ощутила на себе пристальное внимание обоих гэбэшников, так что невольно начало играть очко. В то же самое время мне было совершенно непонятно, в чем состоит секрет происходящего.

– На что вы намекаете?

Парикмахер кинул мне очередной документ из своей папки.

– В марте 2005 года вы были обнаружены мертвым в своей квартире. В ходе следствия в убийстве сознался капитан госбезопасности Бобрик, но был оправдан, так как оказалось, что господин Малкин изнасиловал и убил его младшую сестру.

Слушая Акимыча, я думал о том, что пора бы уже

проснуться, но вместо этого мне приходилось всё глубже погружаться в нереальность. Она была в плохом настроении, и в результате я оказывался всё в более глубокой жопе.

– Но ведь я жив! Я не умер!

– Действительно. Проведенные анализы не выявили каких-либо отклонений. Кроме того, оказалось, что вы девственник.

– Не знал, что наука способна на такое.

– Способности науки мне ясны, а вот кто вы такой, мне непонятно.

– В смысле?

– Вы не Игорь Малкин, ибо он умер, а воскреснуть можно только в качестве зомби, коим вы не являетесь.

– Тогда кто же я, по-вашему?

– Я теряюсь в догадках. Но у меня нет времени на решение замысловатых сканвордов. На вас висит соучастие в убийстве, однако отдать вас под суд невозможно из-за истории с мертвецами. Поэтому я отдаю вас капитану. Теперь он решает вашу судьбу.

– Что? – закричал я, подскочив со стула, – Это беспредел! Я требую адвоката!

Меня усмирила электрическая дубинка, погрузившая в кромешную темень всё окружающее пространство. Как ни странно, но в какой-то мере я даже был рад этой темноте. Она гладила меня своими нежными руками спокойствия, от чего мое сознание начало мерно перетекать в nirvanу. Прав-

да весь трансцендентный кайф обломал проклятый Акимыч. Его очередное неуместное появление своровало у меня покой неосознанности. И он вновь распахнул протокол, и он снова заговорил?

– Помнишь, Игорёк, в начальных главах Бытия говорится, что после создания света и отделения его от тьмы, семь Элохим отделили воды, которые были над небесной твердью и под ней. Установив, таким образом, низшую вселенную Элохим обратили свое внимание на флору, фауну, а затем на человека. Помнишь: «...И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему. По подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его: мужчину и женщину сотворил. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю...».

– О чем это вы?

– Вдумайся в эти строки без лишних эмоций и сразу же заметишь странное использование местоимений в этой цитате. Когда множественное число еврейского слова Элохим переводится словом «Бог», которое в свою очередь находится в единственном числе и не имеет рода, Бытие становится бессмысленной теоремой. Возможно, переводчики боялись правильного перевода. Ведь знание того, что Элохим есть мужские и женские творческие сущности, могло нанести разрушительный удар по христианскому мифу о монотеизме. Множественная форма местоимения «Наш» безошибочно

говорит о множественной природе Бога. Далее говорится, что Элохим создал человека по образу и подобию своему, мужчину и женщину, два в одном. А как же концепция, по которой Бог является мужским существом? Разве Микеланджело изобразил его гермафродитом? Затем Элохим приказал этим существам плодиться и размножаться. Заметь, что еще не существует отдельно ни мужское, ни женское начало! Если обратить внимание на слово «наполняйте», а в английском языке оно звучит как «replenish», то всплывают интересные факты. Приставка ге- обозначает “назад к исходному состоянию” или “повторение или восстановление”. Значит не нужно думать, не нужно гадать о смысле жизни и смерти. Нет цели, есть вечное возвращение к себе самому.

Закончив свое повествование, Акимыч захлопнул папку, и уставился на меня своими рыбьими глазами.

– Зачем нужно рассказывать мне всё это? – спросил я.

– Меня попросили.

– Кто?

– Этого я не могу тебе сказать.

– Но почему?

– В мире мертвых свои правила.

– Но вы же не мертв?

На лице парикмахера вновь появилась его идиотская ухмылка.

– Ошибаешься. Я мертв, правда, еще не ознакомлен с этим неоспоримым фактом.

...В начале XX века ученые, исследующие «чудеса» Библии, стали склоняться к тому, что библейский левиафан – это плезиозавр, морской ящер, в массе своей вымерший почти семьдесят миллионов лет тому назад. Впрочем, считалось, что несколько десятков таких животных сохранилось, и время от времени они встречаются в морях...

Меня разбудило чье-то злобное чавканье. Я попытался дернуться, однако тут же в мои запястья врезались стальные браслеты. Открыв глаза, я обнаружил себя прикованным к батарее, а передо мной за маленьким столиком из красного дерева сидел Бобрик и занимался поглощением завтрака.

– Что, придурок, проснулся? – ехидно заметил гэбэшник, отправляя в рот очередной кусок колбасы.

– Что это значит? – спросил я, судорожно дергая оковы.

– Это значит, что ты мой пленник. Прямо как у Толстого, только ямы нет. Извини, не успел вырыть.

В глазах Бобрика играло безумие, которое не предвещало ничего хорошего.

– Ты ответишь за это! Ты и твой долбаный шеф Акимыч!

– Ошибаешься. Особенно в отношении Акимыча. После того, что произойдет сегодня, все его способности придут в упадок, как, впрочем, и твои.

– О чем ты? – осведомился я.

– Акимыч был слишком глуп и не понимал, куда дует ветер. Пришлось помочь ему уйти со сцены. Конечно, будет не

хватать Парикмахера, но что тут поделаешь... такая жизнь.

Очередная отупляющая волна неприкаянности нахлынула на меня, тем самым укрывая от гладкой поверхности умозаключений.

– Это ваши разборки. Я-то тут при чем?

Бобрик всё больше начинал походить на садиста-извращенца из ближайшей психиатрической клиники. От предвкушения чего-то, созревшего в его нездоровом мозгу, он распустил слюни, которые теперь обильно стекали по его подбородку. И лишь теперь я заметил татуировку.

– Боже. Так значит ты найт?! И это ты заварил всю эту кашу с похищением «зеленого снега»?

– Что ж, – вздохнул гэбэшник, – Ты сумел догадаться, но слишком поздно. Пришло время платить по счетам.

– Что ты намерен со мной делать?

– А ты не догадываешься? То же самое, что и в прошлый раз.

– То есть?

– Первый раз – не пидарас, второй раз – как в первый раз... Не знаю, как тебе удалось вернуться, но это даже к лучшему. Чем чаще ты будешь возвращаться, тем больше твоей черной крови прольется на могилу моей сестры.

В следующее мгновение он бросился ко мне и начал стягивать с меня джинсы, а затем и трусы.

– Отвали от меня, чёртов извращенец! – кричал я, брыкаюсь и пытаюсь спрятать свой зад от сексуальных поползнове-

ний перевозбужденного шизофреника, – Я не тот, за кого ты меня принимаешь! Я не убивал твою сестру!

– Наверное, также кричала моя сестра, когда ты лез на нее, – шептал гэбэшник, глядя рукой мои ягодицы, – Но вот пришло возмездие. Так молись же и не отрицай вины. Бог ничего так не любит, как Истину, поэтому весь наш подвиг, все труды и все заботы должны быть направлены к тому, чтобы содержать Истину и прибывать в ней до самой смерти. «Будь мне верен и я дам тебе венец жизни», – говорит Господь. Все же говорящие против Истины, проповедуют ложь. Но ложь не может быть приятна Господу...

Неожиданно за моей спиной послышался глухой удар. Далее тело Бобрика рухнуло на меня, а по моей шее заструилась теплая кровь.

То ли от счастья, то ли из-за неожиданной развязки я вновь потерял сознание. Прейдя в себя, я увидел склонившуюся надо мной девушку, которая пыталась снять с меня оковы.

– Кто вы? – спросил я, потирая запястья.

– Советую сначала наденуть штаны, – ответила она, смущенно улыбаясь, – Или ты не рад, что сохранил свою девственность?

– Откуда вам известно про...?

– Да у тебя на лбу написано.

Это заявление было воспринято мной как обида, и девушка поспешила меня приободрить.

– В этом нет ничего плохого.

Взирая на раскроенный череп гэбэшника, валявшегося в углу, я повторил свой вопрос:

– Кто вы и почему мне помогли?

– Я помогла тебе, потому что ты единственный, кто способен помочь мне.

– Да неужели? И в чем же?

– Ты должен вернуть меня к жизни.

Истории про живых мертвецов надоела мне настолько, что я принялся панически орать:

– К чёртовой матери... В гробу я видал вас всех... Боже...

Я хочу вернуться домой...

– Успокойся и не кричи, – сказала девушка, схватив меня за плечи, – Иначе мне придется поступить с тобой, как и с братом.

– С братом? – удивленно переспросил я.

– Да, это мой брат, – ответила девушка, указывая на труп в углу.

– Значит ты...

– Вика.

– Но...

– Не беспокойся. Я знаю, что ты не Малкин. Ты очень похож на него, но ты не он.

– Но как ты стала...

– Живым трупом? Мой братец-подонок постарался. Однако такая жизнь меня не устраивает.

...Ученые полагали, что именно плезиозавра принимали за морского змея, так как над водой виднелась лишь шея да голова...

– Значит, ты говоришь, что только твой братец был в теме?

– Именно.

После неудавшейся попытки изнасиловать мое чистое девственное тело, я не желал оставаться в квартире гэбэшника, тем более, что общество двух трупов было бы излишне скверным. Вот мы и решили тотчас переместиться ко мне домой. Там я обнаружил умеренный беспорядок в виде разбросанных по полу вещей, который оставили представители госбезопасности. Впрочем, мне и моей спутнице было не до этого.

– Проблема в том, что он мертв.

– Смерть понятие абстрактное.

– Только не говори, что мы собираемся его воскрешать.

– Упаси Господь от такого счастья. Разве для этого я его прибила?

– Не знаю. Лично мне не понятна моя роль в этом деле.

– Тебя выбрал незнакомец.

Данная фраза вызвала на моем лице асимметричную мимику, плавно переходящую в парез.

– Ты его знаешь?

– Его знают все, – ответила Вика, – Точнее знали, так как вчера...

– Знаю. Он был убит.

– Ты что-то излишне осведомлен? Может это твоих рук дело? – с робким хохотом спросила Вика.

– Я хотел так поступить, но посещение «парикмахерской у Акимыча» сожрало всё мое свободное время.

– Не обижайся на мои злые шутки. Врагов у незнакомца было предостаточно.

На какое-то мгновение мне пришлось задуматься, раз уж детали дурацкой головоломки внезапно совпали друг с другом.

– Значит, именно я должен найти этого профессора и получить антидот.

– Совершенно верно.

– Но почему он выбрал меня?

– Это мне неизвестно.

– Чёрт, – переполнявшая меня злость заставила ударить кулаком о стол, – почему все ответы живут на том свете?

– Вопрос риторический.

– А вообще известно, где его искать?

Вика отрицательно покачала головой.

– И что прикажешь делать?

– Брат был очень педантичен, поэтому все его бумаги не выкидывались, а хранились в архиве.

– И где искать этот архив?

– Думаю, настало время посетить гэбэшный офис.

Дело было к вечеру, когда мы вошли в здание спецотдела

госбезопасности. Отсутствие вахтера и иной охраны вызывало смутные сомнения, но к отсутствию логики я уже начал привыкать.

– Должно быть внезапные приступы полиурии, – подумал я, и мы двинулись дальше.

Так и не дождавшись лифта, я обратился к схеме здания, висевшей на стене рядом.

– Смотри, – сказал я той, что была со мной, – по этой лестнице мы сможем спуститься на нулевой этаж.

Сказать было куда проще, чем сделать. Вся лестница была обильно изгажена кусками растерзанной плоти и залита растекшейся кровью.

– Что здесь случилось? – прошептала Вика.

– Не знаю, – ответил я, – но начинаю догадываться.

Пройдя лестницу до конца, мы обнаружили Акимыча, пригвожденного к двери тремя штырями. Металлическая арматура, несомненно, была заимствована из комнаты «экспериментальная». В сложившейся ситуации хотелось связать по поводу двух концов одной палки, однако было не до этого.

Подойдя ближе, я понял, что он еще жив. Его прерывистое поверхностное дыхание едва заметно шевелило демонтированную грудную клетку. Наличие жизни в теле, из которого успела истечь почти вся кровь, удивляло. При моем приближении веки Парикмахера дрогнули, и послышалось жалкое подобие речи:

– Малкин, что тебе тут нужно?

– Можешь быть уверен, не ты.

– Опять секреты..., – харкаясь кровью, прошептал Акимыч.

– Что здесь стряслось? – спросил я, пытаюсь стащить его с арматуры.

– Оставь меня. Слишком поздно, – корчась от боли, отвечал он.

После нескольких неудачных попыток мне всё-таки удалось стащить Парикмахера со стальных прутьев и усадить на пол, прислонив спиной к стене. Сам я расположился рядом с ним на корточках.

– Не знаю как, но они сумели вырваться...

– Кто они?

– Твои друзья, Малкин. Они убили всех, а под конец решили поиздеваться надо мной.

– Где они сейчас?

– Где-то здесь. И..., – на мгновение сознание покинуло Акимыча, – мне кажется, им кто-то помог.

– Это был Бобрик.

– Бобрик? С чего ты взял? – в агонизирующем порыве ярости Парикмахер схватил меня за ворот рубашки.

– Он сам мне сказал.

– Сволочь..., – произнес свое последнее слово Акимыч и замер навечно.

Опустив ему веки, я минут пять сидел подле трупа с го-

рестным скрежетом на душе. Мне так хотелось наконец-то ощутить конечную цель всего происходящего, но вместо этого я видел пугающую пустоту.

– Игорь, нужно идти, – одернула мои размышления Вика.

– Что ж, пойдем, – ответил я, поднимаясь.

...Мы же уверены, что это не так. Плезиозавры не могут жить в море или океане. Как и все рептилии, они дышали легкими, и для этого им обязательно нужно было время от времени всплывать на поверхность. Если бы плезиозавр действительно жил в океане, китобои не только бы его обнаружили, но и уничтожили...

Бросив Акимыча на произвол судьбы, мы проникли за дверь, изуродованную металлическими штырями. В притаившемся полумраке одиноко моргала шестидесятиваттовая лампочка.

– И куда дальше? – спросил я, повернувшись к спутнице.

– Понятия не имею. Я здесь впервые.

– Что ж, – мой вздох был печален, – идем наугад.

Пробираясь по коридору, мы старались соблюдать тишину. И нужно сказать, это давалось не так легко, как кажется. Даже Виктория, уже достаточно давно принадлежавшая царству мертвых, зачастую с трудом сдерживала себя от криков и страхов. Стекающая по стенам кровь казалась изощренным подобием пейзажей постмодернистских направлений, а то, что осталось от плоти, путалось под ногами и пугало неожиданностью своего происхождения.

– Вик, – обратился я к девушке, – Здесь много крови, но я не вижу тел. Вместо них лишь какие-то жалкие ошметки.

– Должно быть все они стали такими как я, – ответила Виктория.

– Но у них штат полсотни человек.

– И что?

– Куда подевались все эти живые мертвецы? Не могли же они сквозь землю провалиться.

– Откуда мне знать. Может, они отвалили?

– Нет. Акимыч сказал, что они не уходили.

– Тогда они где-то здесь, и значит, нам круто везет, коль мы до сих пор не попались им на глаза.

Наконец мы добрались до кабинета, на двери которого была привинчена табличка «капитан Бобрик». На стоматфакультете меня не обучали навыкам отмыкания замков, поэтому пришлось выбивать дверь с ноги.

В кабинете оказалось куда светлее, чем в коридоре.

– Я пропускаю женщин и детей, – сказал я, позволив Виктории войти первой.

Обстановка рабочего помещения покойного капитана Бобрика соответствовала обычным мещанским нормативам: стол, стул, диван и чайник. Скупую неординарность хозяина отражали ноутбук и стопки книг разнообразной тематики. По причине вульгарного интереса я взял одну из них, ту, на которой был изображен мужик с четырьмя парами крыльев, и принялся листать. Где-то в середине сборника тезисов гла-

за обнаружили заглавие «Херувим».

– У меня нет крыльев, – вспомнив избитую цитату, я начал читать.

«Древние еврейские инициированные обвиняли Иезекииля в выдаче глубоких истин учения. А вот Томас Инмен рассматривает видение Иезекииля как неопровержимое доказательство его нервного расстройства... Херувим является мистическим символом полноты мудрости, и эти создания являются духовными стражами четырех рек жизни, вытекающих из лучезарности творца. Когда двенадцать колен Израиля оказались в пустыне, знамена Рубена (человек), Иуды (лев), Эфраима (бык) и Дана (орел) были помещены по четырем углам.

В книге «Эдип Иудейский» сэра Уильям Драммонд воспроизводит фигуру, в которой Кирхер рассматривает картину расположения израильтян в качестве символа порядка вселенной. Согласно Ирению, Евангелий Нового Завета должно быть ровно четыре, как и сторон света. Церковь тоже должна иметь четыре столпа, подобно херувимам, из глубины которых происходит Слово. Ирений также уподобляет Иисуса Делателю всех вещей, сидящему на херувимах, тем самым явно соотнося Иисуса с каббалистической Славой Шехина. В мистицизме херувим, описанный в Бытии, означает плотные темные облака, состоящие из фантомов, заполняющих райский сад. Тот, кто ищет райский мир, вводится в заблуждение этими созданиями низших чувств....

Человек, до того как войти в сферу света, должен преодолеть сначала свои четыре животных природы.

В книге «Каббала» Адольф Франк пишет: «Все человеческие лица могут быть прослежены к четырем первичным типам, от которых они отличаются, подходя ближе или отклоняясь, в зависимости от их интеллектуального и морального порядка. Этими типами являются четыре фигуры таинственной колесницы Иезекииля, то есть фигуры человека, льва, быка и орла...».

– Постой-ка, – в моей голове неожиданно что-то щелкнуло, наладив при этом процесс здравомыслия, – Кажись это его я видел в том странном сне про сад... Преодолеть четыре животных природы... Что бы это могло значить?

– Что ты бубнишь себе под нос? – обратилась ко мне Вика.

Оглянувшись в ее сторону, я внезапно подумал о том, что она довольно красива. В ее фигуре всё находилось на своих местах, но главное, что она необычайно умело подбирала одежду для своей телесной оболочки. Некоторые девушки, которых называют девушками с превеликой натяжкой, наряжаются так, словно их стилист сбежал из психбольницы.

– На себя посмотри, придурок! – обязательно прикрикнут мои критиканки, прочитав эти строки.

– Но ведь я не девушка, – отвечу им я.

И знаете, даже леденящее дыхание смерти не смогло слепить из этого прекрасного материала что-то безобразное.

...А вот некоторые ученые принимают библейского

левиафана за пресмыкающегося. Этого же мнения придерживается и Нандор Варкони: «На рисунке изображен передвигающийся на четырех ногах, с длинной шеей и длинным хвостом ящер, копия диплодока и бронтозавра. Строение его тела и чешуйчатая шкура подтверждают, что это гигантское пресмыкающееся»...

– Всё ясно. Ушел в себя, вернусь нескоро.

– Ты что-то сказала? – опомнившись, спросил я.

– Нет. Тебе показалось, – ответила Вика и вернулась к поискам.

Побросав таинственные раритеты литературного творчества, я последовал ее примеру. И вскоре нас постиг успех. Бумаги оказались в шкафу.

– Странно, что он их не прятал, – заметил я.

– Нисколько. Какому идиоту может прийти в голову копаться в вопросах происхождения живых мертвецов? – ответила Виктория, вынимая из шкафа очередную порцию бумажной дребедени для пристального досмотра.

– Нам, к примеру.

Перебирая листок за листком, мы пытались выявить хоть какие-нибудь наводки или упоминания о профессоре, но бумаги покойного гэбэшника содержали лишь кучу непонятных счетов, смет и заказов.

– Подожди-ка, – внезапно мне показалось, что я на что-то наткнулся и вновь погрузился в изучение архива капитана

Бобрика, – Посмотри. Все эти бумаги так или иначе связаны с деревушкой в Калужской области. Вот произведен перевод денег, вот оплата счетов за фармпрепараты, а вот бумаги о найме рабочих технического профиля... Здесь отчеты за десять лет. Значит, всё началось в 1999-ом.

– Значит, профессор в этой деревушке.

– Что ж, – сложив один из счетов вчетверо, я положил его в карман, – Нам предстоит путешествие.

– Прекрасно, – воодушевлено сказала Вика, – А теперь нам нужно отсюда убираться.

Безусловно, мне очень хотелось покинуть это безумное место, однако безвременно ушедший из жизни Парикмахер имел наглость позаимствовать мои личные вещи.

– Нам еще нужно зайти к Акимычу, – сказал я на выходе из кабинета.

– Зачем?

– Забрать кое-что.

Далеко идти не пришлось. Кабинет Акимыча находился по соседству.

– О, Боже! Что это?

Как только мы оказались в гэбэшном святилище парикмахера, нам открылась ужасающая картина очередного безумства внезапно оживших мертвецов. Куски плоти среди раздолбанной в пух и прах мебели, конечно же, были уже не в новинку, а вот письма, оставленные на стенах кровью, явились самым настоящим эксклюзивом.

– Что за херь? – прошептал я и подошел ближе.

И хотя подчерк был ужасно корявым, мне удалось расшифровать это неординарное послание.

– Ты понял? – спросила Вика.

– Ахинея. Послушай только... «Творцом вложена в дух человека сильнейшая способность – любить, стремиться к прекраснейшему, красивейшему, совершеннейшему, не останавливаться на себе самом, не замыкаться в себе, но всеми силами своего существа тянуться, жаждать соединения с высшим себя, с лучшим, с самым прекрасным. Именно сила любви, жажда соединения с Высшим Существом, с вечной Красотой и Совершенством и есть жизнь души, ее главный центр. Именно эта потребность тревожит непрестанно дух человеческий, живит, томит, заставляет жаждать, хотеть и искать, и она-то и доводит ищущего до высшей Любви, высшего Блаженства, до причастия высшей Красоте, приобщения к самому Благому – Богу. И поэтому враг божий и коварный обольститель – Левиафан – эту главную струю нашей духовной энергии усиленно старается похитить, исказить, осквернить, направить по ложному пути – на совершение самого гнусного, уродливого. Он учит нас, как закопать небесный дар в землю, жажду жизни подменяет вожделением тлена, стремление к вечному блаженству обращает в желание сиюминутного удовольствия...».

– Чем-то смахивает на проповедь.

– Больше походит на мою матушку.

– Жираф большой, ему видней... Вот продолжение... «Вожди современной антикультуры призывают людей возвратиться к естеству, к первозданности, освободиться от всего искусственного, но кто из них понимает, каково это естество в действительности? Что в нас природное и что противоестественно? Что знают они о первозданности человека? Некоторые из них цинично заявляют: «что естественно, то не безобразно». Но беда как раз в том, что самое безобразное и самое неестественное, противное естеству так сроднилось с ним из-за долгого пребывания во зле, что стало как бы второй нашей природой. Наше естество настолько пропиталось этим ядом, что христианство говорит уже не об исцелении человека, а о Воскрешении из мертвых, об истлении ветхого человека и о рождении и возрастании нового...».

– Одни сплошные намеки, – промолвил я, зевая.

– Ты думаешь, это про них? – поинтересовалась Виктория.

– Несомненно. Своеобразная авторская вариация на тему библии. Евангелие от мертвецов.

– Смотри... еще... «Однако, хотя красота тела человеческого от Бога, и это всё еще те прекрасные контуры, изгибы, формы, линии, которые могут переносить наше восхищение к величию Творца, к началу Высшей Вечной Красоты, но это – лишь туманные тени, слабый расплывчатый силуэт. Красота в нас искажена, попорана, осквернена отступлением от Творца, от Первообраза, искажено и само понятие

о красоте и наше стремление к ней. Адам и Ева в раю были наги и не стыдились, но эта святая невинность и чистота были потеряны через грех неверия, непослушания, нарушения первыми людьми первого завета с Богом. Всё в человеке стало болезненно, осквернено, лишено святости, большей частью – непристойно. Как следствие этого искажения, явился стыд и угрызения совести, как ощущение непорядка и отсутствия достоинства. Отныне огрубление скрывает болезненность души, а сама плоть, являющаяся отражением страстей, вкоренившихся в душу, должна прикрываться одеждами...».

– Ладно, хватит с меня нравоучений. И без них тошно.

– Подожди. Ты мешаешь мне вникнуть в текст.

– Вникнуть? Да мне написать такую чушь, как два пальца об асфальт...

Вика посмотрела на меня недовольным взглядом, показывая тем самым, что я должен заткнуться или хотя бы успокоиться.

– Мне кажется знакомым этот текст.

Неожиданное утверждение заставило меня призадуматься над положением вещей. Подойдя к Виктории, я обнял ее за плечи, после чего спросил на полном серьезе:

– Откуда?

– По-моему это труды одного архимандрита, чтением которых увлекался мой брат.

– Уверенна?

– Почти.

...Интересно, что в Древнем Египте и в Месопотамии часто изображали такого динозавра – некое длинношеее существо, не похожее ни на какое из ныне живущих животных. Подобные пресмыкающиеся жили в полусоленых болотах, окружавших устья крупных рек, и питались водяными растениями. Стоя на дне, они поднимали над поверхностью воды свою голову, сидящую на длинной шее и дышали. Наиболее простым способом охоты человека на них была, по-видимому, охота с помощью аркана. Находящиеся на берегу люди набрасывали петлю на шею животных, стоящих на дне...

– Видать, твой братец возомнил себя апостолом.

– Возможно, но теперь он мертв.

– Тогда откуда взялась вся эта бодяга на стенах?

– Наверное, это результат творчества его фанатов.

– Выходит, бесполезно искать в этом смысл?

– Почему же... Первый отрывок про человеческую душу, второй про вождей антикультуры, третий о плоти... Посмотри на четвертый... «Современная программа полового воспитания, которую ныне вводят в средних школах, включает тему: «как преодолеть стыд». Понятно, что чувства стыда и совести бывают мучительны для человека, они создают в нас какой-то внутренний разлад, борьбу, болезненность, тревогу и беспокойность, или дискомфорт, как теперь любят выражаться. Но эти беспокоящие нас таинственные сиг-

налы из глубин нашего естества крайне необходимы, как бывает нужна физическая боль, поскольку указывают на наличие раны, тревожат и заставляют искать врача, не позволяют недугу затаиться и втайне сеять смерть. Поэтому чувство стыда свойственно каждому психически нормальному человеку, оно как раз естественно для нашего неестественного состояния. Даже с точки зрения медицины – известно, что в раннем детстве в центральной нервной системе преобладают процессы возбуждения, а социо-культурные механизмы способствуют формированию активного сознательного торможения, которое как раз и лежит в основе освоения базовых элементов любой культуры. Культура обязательно включает систему запретов, табу во всех сферах жизнедеятельности человека. По свидетельству создателя генетической психологии Пиаже, познавательные качества человека определяются его способностью к самоограничению. Таким образом, о прямой связи воздержанности, целомудрия, упорядоченности чувств человека с его творческими и интеллектуальными способностями известно не только христианству. Кто желает победить стыд и избежать угрызений совести, приобрести свободу и преодолеть комплекс неполноценности, вернуться к своему первоестеству, избежать раздвоения личности, тот должен учиться этому не у сатанистов нашего времени, наподобие Ницше и Фрейда с их последователями, а у тех, кто знает, в чем Истина...».

– Не может быть, – прошептал я, когда Вика закончила

читать.

– Что такое? – озадаченно спросила она, повернувшись ко мне лицом.

– Четыре отрывка. Понимаешь? Четыре.

Вика смотрела в мои искрящиеся от восторга глаза, пытаясь понять, на чем зиждется моя радость, но для нее это было недоступно.

– Можно яснее, – попросила она.

– Он писал о четырех первичных типах. Он знал, кто я и что я должен буду здесь оказаться, – от волнения я глотал слова, поэтому моя речь сама по себе являлась сбивчивой и непонятной.

– Ты говоришь ерунду. Брат считал, что ты Малкин. Да и зачем ему писать всё это, если согласно его плану ты должен был умереть.

Викуня недоумевала, однако я всё видел в истинном свете.

– Теперь я всё понял. Твой брат мнил себя богом, но на самом деле был всего лишь пешкой в большой игре. Тот, кто писал эти письма, также не джокер в колоде, но ему известно, зачем я здесь, и он постарается мне помешать.

– А что за четыре типа?

– Прочитал в одной из книг твоего брата. Это часть какого-то ребуса, но я всё еще не знаю и не понимаю его сути.

– Тот, кто писал это, должен знать суть?

– Возможно, а может и нет. Видишь ли, год назад я закончил работу над одной из своих книг, носящей название

«Психоматрикс». В ней я убеждаю читателя освободить свой мозг от Вселенской догматики и поверить в себя.

– Ну и что?

– Не исключено, что мне это только мерещится, но в том, что написано на этих стенах, я вижу помыслы своих злейших оппонентов.

– Постой! – Вика едва не кусала локти; было видно, что мои слова перестают ее радовать, – Я ничего не знаю ни про «Психоматрикс», ни про первичные типы, ни про Вселенскую догматику... Мне непонятно, как всё это связано с тем, что происходит сейчас. Но я знаю, что нам во что бы то ни стало нужно разобраться с теми, кто оживляет мертвецов.

После ее слов мои приоритеты поменялись. Действительно, эта канитель со снами, библейскими эпосами и попаданием неизвестно куда уже порядком меня достала. Хотелось заняться чем-то более близким к реальности, так что я заявил:

– Думаю, ты права. Нужно валить отсюда.

– Тогда чего же мы ждем?

– Своих вещей, – подойдя к обломкам письменного стола Акимыча, я вскрыл нижний ящик.

Мои ожидания оправдались. Там я нашел свое оружие и письмо от незнакомца. Когда письмо оказалось в моем кармане, мои дела в гэбэшном офисе себя исчерпали, и мы направились к выходу. Обратная дорога являлась точной копией пути прибытия, и в тоже время что-то изменилось.

– Ты слышишь? – с нервной дрожью прошептала Вика, пальцами цепляясь за мое плечо.

– Что? – спросил я, но в следующее мгновение понял о чем идет речь.

Этот звук неся по сумрачным коридорам нулевого этажа, петлял в его лабиринте и исчезал в тупиках, сливаясь с непреклонной серостью бетонных стен. Мы оба пришли к выводу, что ничего хорошего ожидать не следует, поэтому прижались спиной друг к другу и стали ждать.

Сначала свет начал мигать еще отчаяннее, чем прежде, после чего совсем погас. Держа Викторию за руку, я чувствовал, как через ее тело проходит паническая дрожь. Понимая, что вот-вот тоже самое состояние доберется и до меня, я выхватил пистолет и сделал несколько выстрелов в никуда.

По-видимому, мои аргументы показались местным электрикам убедительными, от чего искусственный свет вспыхнул с новой силой. Но данное обстоятельство не принесло долгожданной радости. Теперь, при достаточном уровне освещения было видно, что мы стоим в округлом холле, от которого радиально расходятся коридоры. Коридоры уходили, а их содержимое приближалось к нам, гремя цепями и еще чем-то грозным и страшным.

– Зачем же так грозно, Игорёк, – обиженно заявил первый подоспевший гость.

Нойман стоял передо мной в своем кроваво-зловонном обличье и ухмылялся.

– Вот так взял и лишил меня органа зрения. Что теперь прикажешь делать?

Его правая рука, потерявшая свой естественный цвет из-за запекшейся на ней крови, медленно потянулась к левому глазу, скрюченными пальцами проникла в глазницу и с шамкающим хлюпаньем выдрала ее содержимое. Поглядев на добытое сокровище, Нойман усмехнулся, обнажая свои поросшие гнилью черно-коричневые зубы, и бросил его в мою сторону.

Оно с металлическим стуком проскакало по мрамору пола и остановилось передо мной. Держа пистолет перед собой на расстоянии вытянутой руки, я присел и захватил ладонью другой руки подарок мертвеца. Из него торчал измятый кусочек свинца.

– Разве так поступают с друзьями-товарищами? Смотри, вот и Гена подошел. Кажись, у нас намечается корпоративная вечеринка.

Из разодранной глазницы Ноймана узкими ручейками стекала темная кровь, но это ничуть не смущало его новую сущность.

– Что думаешь?

Не знаю почему, но когда я смотрел на сборище мертвых гэбэшников, стекавших к холлу, во мне присутствовало лишь призрачное к ним и желание уничтожить всю эту мерзость. Другое дело Макс и Гена. И пускай мы были едва знакомы.

– Я не верю, – прошептал я, – Я не верю, что можно так просто взять и стать трупом. Это безумие.

– Безумие, говоришь, – из глотки Ноймана вырвался дьявольски веселый смех, который с лихвой переполнил мои уши, а затем убежал куда-то в страхе, – Ты думаешь, что это Бобрик сделал меня таким? Ошибаешься. Как я мог умереть, если никогда не был живым? Он лишь помог мне понять то, что является настоящей реальностью, а не глупой иллюзией, которой я услаждал свой слепой затерявшийся разум. Теперь мои мысли блещут зеркальной чистотой. Это и есть Истина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.